Письма императора

Автор:
Валерия Вербинина

Письма императора

Валерия Вербинина

Амалия – секретный агент императора #4

Нет ничего прекраснее любовных писем – и ничего хуже, если они попадут в руки ловкого шантажиста. А если автор посланий – сам государь-император? Огласка грозит России международным скандалом… Секретному агенту Амалии поручено любой ценой вернуть их. Взявшись за это дело, она даже не подозревала, что ценность представляет не только тайная переписка императора с возлюбленной, но и шкатулка, в которой она хранится. И за тем, и за другим охотится немало авантюристов, среди которых сам принц парижских воров…

Валерия Вербинина

Письма императора

Пролог

Он бежал.

Перепрыгивая через две ступеньки, он слетел с лестницы. Входная дверь была заперта, но Франсуа было нелегко смутить подобными мелочами. Вскочив на подоконник, он локтем выбил стекло и, кое-как выбравшись наружу, спрыгнул в

сад.

– Держи его!

Мимо – бледные силуэты томных статуй, мимо – почти черные в сумерках деревья, похожие на застывших драконов. Откуда-то издалека донесся лай собак, и Франсуа похолодел.

– Держи его, Этьен! Он бежит к ограде!

Но Франсуа уже сидел на ограде верхом. Перекинув через нее вторую ногу, он скользнул на улицу, на которой в этот поздний час почти не было фиакров.

– Держи, держи, уйдет!

Сердце колотится, как бешеное, в висках молотом стучит кровь, дыхание со свистом вырывается изо рта. В голове – только одна мысль: бежать! бежать! бежать!

– Держи-и-и!

К воплям возмущенной прислуги присоединяется полицейский свисток, который заливается соловьиной трелью. На перекрестке ему отвечает другой. Ах, что за невезение!

Франсуа выскочил на перекресток, боднул полицейского, который пытался его остановить, и что есть духу понесся дальше.

– Стой! Стой, мерзавец!

Еще один полицейский, на ходу доставая пистолет, кинулся наперерез Франсуа. Но тот легко увернулся и, чтобы отвязаться от преследователей, нырнул в узкую темную улочку, освещенную одним-единственным газовым фонарем. Сзади доносился топот чьих-то ног, и этот топот с каждым мгновением становился все ближе.

Куда теперь, Франсуа?

Кот, почти неразличимый во мраке, с возмущенным воплем шмыгнул из-под ног бегущего. Франсуа чертыхнулся, споткнувшись, но уже в следующее мгновение побежал дальше. Он задыхался и держался рукой за бок, в котором отчаянно кололо. Впереди уходила во тьму улица, казавшаяся бесконечной, а справа смутно белела стена какого-то особняка. Это был изящный, пожалуй, даже аристократический дом, стоявший здесь не один век, и Франсуа, мгновенно приняв решение, бросился к нему. Нащупав в кармане связку отмычек, он с облегчением перевел дух.

Замок поддался почти сразу, и Франсуа уже находился внутри, когда преследователи поравнялись с особняком. Мысленно он воздал богу хвалу за то, что дверь затворилась без всякого скрипа, и подумал: «Еще какое-то время они будут прочесывать улицы, а когда поймут, что я ускользнул, им ничего не останется, кроме как вернуться восвояси несолоно хлебавши. Во всяком случае, им никогда даже в голову не придет искать меня здесь».

Франсуа немного расслабился. Вытерев пот со лба, он стал осматривать убранство особняка. Все предметы находились на своих местах, но у висящих на стенах портретов был какой-то кислый вид, и Франсуа поневоле заключил, что в этом красивом доме давно живут чужие люди. Если, конечно, здесь вообще кто-то живет. Ведь сейчас лето, и многие предпочитают это время проводить на водах или на юге…

Тут ему в голову пришла другая мысль – а нельзя ли тут чем-нибудь поживиться? Конечно, это не такой богатый дом, как у герцогини де Лотреамон, но все-таки… Прислуги нигде не видать, и вообще, грех отказываться от того, что само плывет тебе в руки.

Успокоив себя этим рассуждением, он осторожно зажег лампу и двинулся вверх по огромной лестнице, отделанной розоватым мрамором. По пути Франсуа настороженно прислушивался, не раздастся ли в недрах дома какой-нибудь подозрительный шум, свидетельствующий о том, что в нем находятся люди. Однако его чуткий слух не смог различить ничего, кроме потрескивания масла в лампе да писка мышей где-то за стеной.

«Похоже, что и впрямь никого… Однако и везет же мне!»

Приободрившись, он принялся обследовать комнаты. В первых трех не обнаружилось ничего, достойного его внимания, зато в четвертой он сразу же заприметил на комоде старинную фарфоровую вазу, а на столе – красивый золотой медальон.

Франсуа положил на стол увесистый сверток, который он все время держал в левой руке, поставил лампу и осторожно открыл медальон. Внутри оказалось изображение младенца – голубоглазого, пухлощекого, с вьющимися белокурыми волосиками. Франсуа с умилением посмотрел на него, мысленно прикинул про себя стоимость медальона и умилился еще больше. Захлопнув медальон, он уже собирался сунуть его себе в карман, когда случайно заметил на плитах пола, сбоку от себя, какую-то тень, которой секунду назад там не было. Готовый ко всему, Франсуа резко обернулся – и слова замерли у него на губах.

Перед ним, заложив руки за спину, стояла прехорошенькая особа лет двадцати, не более. Ее белокурые волосы были распущены по плечам, а карие глаза, в которых нет-нет да вспыхивали золотистые искры, с любопытством смотрели на ночного гостя. Если добавить, что на особе не было ровным счетом ничего, кроме расшитой ночной сорочки, то станет ясно, отчего Франсуа потерял дар речи.

– Здравствуйте, сударь, – нежно проворковала она.

Франсуа побледнел и сглотнул слюну.

– А… э… Здравствуйте, сударыня, – промямлил он.

В сущности, ему следовало не говорить, а действовать. Потому что в следующее мгновение воздушное видение извлекло из-за спины правую руку, и оказалось, что оно держит в ней ту самую увесистую фарфоровую вазу, которая до сего мгновения мирно стояла на комоде.

Должно быть, в Париже внезапно произошло землетрясение. Весьма возможно также, что на Европу ни с того ни с сего обрушился гигантский ураган. Или какой-нибудь не в меру игривой комете пришла в голову мысль лягнуть нашу многострадальную Землю, после чего та сошла со своей орбиты и город Париж съехал к Северному полюсу. По крайней мере, у Франсуа не было других объяснений тому странному факту, что потолок вдруг обвалился на него, а стены накренились и заплясали в каком-то диком танце. Последнее, что он

помнил, было склонившееся над ним лицо чаровницы и золотистые огонечки в ее глазах, после чего Франсуа окончательно провалился в блаженное небытие.

Часть I

Девушка с золотыми глазами

Глава 1

– Ваше превосходительство, к вам баронесса Корф.

Начальник российской секретной службы Багратионов поднял голову от письма, которое читал, и с любопытством поглядел на слугу.

– Уже? Хорошо, проси.

Большие старинные часы пробили три раза и начали играть гавот, когда баронесса Амалия Корф вошла в кабинет. «Однако она пунктуальна», – с невольным уважением подумал Багратионов. Он отложил письмо в сторону и поднялся из-за стола.

Камергер Багратионов заступил на должность начальника особой службы всего два года тому назад, сразу же после трагической гибели императора Александра Освободителя. С баронессой Корф, которую тогда звали Амалией Тамариной, ему еще не приходилось сталкиваться, потому что примерно в то же время, после блестяще выполненной миссии, Амалия покинула особое ведомство и вышла замуж, сделав весьма удачную партию. Однако весной 1883 года обстоятельства, по-видимому, переменились, потому что баронесса подала прошение о зачислении ее обратно в службу, несмотря на то, что у нее имелись муж и маленький ребенок. Все это весьма интриговало камергера.

«Либо она отчаянная авантюристка, либо просто неуемная взбалмошная особа», – решил Петр Петрович, узнав о прошении. Однако за прошением последовало еще одно послание, и оно было подписано таким высоким лицом, с мнением которого почтенный камергер никак не мог не считаться. Именно поэтому он и назначил сегодня баронессе встречу в три часа пополудни.

Петр Петрович поцеловал даме ручку, рассыпаясь в галантных комплиментах, а сам тем временем не переставал ломать голову над тем, что же собой представляет загадочная баронесса Корф. Для авантюристки у нее слишком усталые глаза, а для взбалмошной особы – слишком безмятежное лицо. Поняв, что ему никак не удается подыскать для нее подходящее определение, он решил начать с самого начала.

«Молодая. Лет двадцати? Да, пожалуй, что так. Красивая. Очень красивая, – поправил он себя. – Белокурые волосы, черные брови – скорее всего, полячка или отчасти полячка… Рот с четко очерченными уголочками, наводящими на мысль о решительности. Глаза карие, обыкновенные…»

Но тут в «обыкновенных» глазах полыхнули совершенно необыкновенные искорки, и Багратионов, что с ним случалось нечасто, смешался. Ну, конечно, собеседница догадалась, что он пытается ее раскусить! А она, кстати, занималась тем же самым в отношении его самого.

«Багратионов Петр Петрович, камергер, тайный советник и кавалер Белого Орла, – перебирала в уме известное Амалия. – Еще не старый – около сорока пяти, наверное. Очень любезен, манеры располагающие, лицо добродушное, даже, может быть, простоватое, но это впечатление наверняка обманчиво. Чрезвычайно некрасив. О таких моя горничная Дашенька говорит: «Страшен до блеска», но, в конце концов, он же начальник тайной службы, а не jeune premier[1 - Актер в амплуа первого любовника (франц.).] в театре… Интересно, что он обо мне думает?»

«По-моему, она умнее, чем кажется, – решил Петр Петрович. – Значит, с ней можно будет иметь дело».

И он запорхал вокруг Амалии мотыльком, пододвигая ей самое удобное кресло, справляясь, не душно ли ей, а то он может приказать отворить окно. Но Амалия ненавидела сквозняки – сказывалась семейная предрасположенность к чахотке.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, мне хорошо и так.

Багратионов вернулся за свой стол и сел. На глаза ему попались последние строчки письма, которое он читал до прихода баронессы, и по старой привычке человека, имеющего дело со всякого рода секретами, Петр Петрович повернул страницу текстом вниз.

– Должен сказать, баронесса, – промолвил он, и его маленькие глазки превратились в совсем узенькие щелочки, – мы весьма наслышаны о вас. Как вы добыли ту картину – это просто потрясающе!

Амалия покраснела от удовольствия.

– Мне просто повезло, – сказала она.

– Право же, баронесса, вы чересчур скромны, – заметил Багратионов, испытующе глядя на нее. – Конечно, хорошо, когда в деле присутствует удача, но ведь на самом деле она – награда за упорство и неустанный труд. Разве не так?

– Пожалуй, я соглашусь с вашим превосходительством, – помедлив, проговорила Амалия.

– Мне казалось, что удача сопутствовала вам всегда, – невозмутимо продолжал Петр Петрович, еще зорче наблюдая за баронессой. – Я знаю, что люди уважают вас и восхищаются вами. Вы вышли замуж за прекрасного человека, у вас замечательная семья…

«Он меня испытывает», – мелькнуло в голове у Амалии. Она холодно сощурилась, не переставая улыбаться несколько искусственной улыбкой, которая так мало шла к ее прелестному тонкому лицу.

– У меня была замечательная семья, – более чем сдержанно промолвила она. – А сейчас я подала на развод.

Багратионов сделал вид, что крайне удивлен.

– Но почему, Амалия Константиновна? Насколько я знаю, ваш муж в вас души не чает. Когда он женился на вас – я помню, там была крайне романтическая история, – он сделал это ради большой любви. В свете вам тогда очень завидовали. Иные девушки отдали бы все, чтобы только оказаться на вашем месте!

– У меня нет никаких претензий к барону Корфу, – ледяным тоном отозвалась Амалия. – Он очень хороший человек. Просто мы не можем жить вместе. Такое бывает, ваше превосходительство, и гораздо чаще, чем обычно думают.

Багратионов нервно кашлянул. Даже начальник секретной службы в некоторых ситуациях остается просто человеком, и сейчас Петру Петровичу было чисто по-человечески любопытно, что же такое произошло между бароном и баронессой, что она столь скоропалительно решилась на развод. Может быть, он изменял ей? Грубо с ней обращался, злоупотреблял выпивкой, проматывал ее состояние? Но у барышни Тамариной до свадьбы никакого состояния не водилось, а что до всего остального, то Багратионов не слышал, чтобы Александр Корф пил, третировал свою жену или обманывал ее. В свете подобные вещи утаить практически невозможно. То, что Амалия сказала чистую правду, камергеру даже в голову прийти не могло.

– Насколько мне известно, развод – весьма и весьма хлопотное дело, – заметил Багратионов.

И вновь в карих глазах мелькнули золотистые искры.

– Его императорское величество обещал мне свое содействие в этом хлопотном деле, – небрежно, будто речь шла о каком-то пустяке, уронила Амалия. – Но взамен я должна оказать одну услугу. Какую – вам должно быть известно лучше меня.

Багратионов покосился на лежащее перед ним письмо. Даже не видя текста, он знал, что оно подписано императором.

– Да, его императорское величество выразил пожелание, чтобы сия миссия была поручена именно вам, – подтвердил он. – Насколько я могу предположить, государь не сказал вам, в чем состоит сущность вашего… гм… поручения?

– Я только знаю, что оно весьма конфиденциальное, – спокойно заметила Амалия.

Багратионов кашлянул и пригладил седеющие виски.

– Да, пожалуй, что так. – Он поднялся с кресла, подошел к входной двери, проверил, не стоит ли за нею кто, тщательно прикрыл ее и вернулся на свое место. – Вам что-нибудь говорит фамилия Мещерский?

– Вы имеете в виду князей Мещерских? – подняла брови Амалия. – Разумеется, мне неоднократно доводилось слышать о них.

Багратионов метнул на нее быстрый взгляд.

– А о княжне Марии Мещерской вы что-нибудь… слышали? – как бы между прочим, осведомился он.

Амалия нахмурилась. Она начала понимать. Княжна Мария Элимовна Мещерская была юношеской любовью правящего императора. В пятнадцать лет она осталась круглой сиротой, и ее воспитывала бабушка, постоянно жившая во Франции. Пленительная, с гибким станом и чарующими глазами, княжна Мария вскружила голову молодому Александру, который беззаветно полюбил ее. В ту пору он не являлся наследником престола, потому что его старший брат Николай был еще жив, и мог мечтать о личном счастье. Но, как только Николай скончался от туберкулеза, все в одночасье переменилось. Александр стал преемником своего отца, но одновременно с местом брата он унаследовал и его невесту, принцессу Дагмару Датскую, на которой должен был жениться, несмотря ни на что. Тщетно молодой Александр настаивал, умолял, хотел отречься от престола – все уже было решено. Состоялся тяжелый разговор с отцом, во время которого обычно сдержанный царь будто бы даже влепил сыну пощечину. На упрямца было оказано невиданное давление, и в конце концов ему пришлось смириться. Он навсегда простился с любимой и женился на Дагмаре, а через некоторое время вышла замуж и княжна Мещерская. Казалось, что жизнь мало-помалу берет свое, но на самом деле это была не жизнь, а смерть. Менее чем через год после свадьбы Мария, которую обожал наследник, скончалась от родильной горячки. Ей было всего двадцать четыре года.

– Мне кажется, я знаю, кого ваше превосходительство имеет в виду, – медленно проговорила Амалия. – Но ведь она умерла… Много лет назад.

– О да, – вздохнул Багратионов. – Все люди смертны, подвержены тлену, баронесса… Но не слова. Слова, знаете ли, бывают иногда удивительно живучи… особенно если их писала императорская рука.

И он со значением поглядел на Амалию.

– Значит, письма, которые государь писал княжне, сохранились? – тихо спросила Амалия.

Багратионов подался вперед.

– Не совсем так, Амалия Константиновна. Когда они расстались с княжной… по обоюдному, так сказать, согласию… они вернули друг другу письма. К несчастью, – камергер дернул щекой, – к большому нашему несчастью, одна из гувернанток в доме Мещерских… мадемуазель Перпиньон… сумела добраться до переписки и завладела некоторыми письмами его величества. В то время, в том состоянии, в каком его величество находился… он не заметил пропажи, когда княжна вернула ему его послания.

– А дальше? – спросила Амалия спокойно.

Багратионов улыбнулся:

– Дальше, Амалия Константиновна, было то же, что всегда бывает в подобных случаях. Мадемуазель Перпиньон вернулась во Францию. Какое-то время она продолжала жить своим трудом, но наступил день, когда ей понадобились деньги, и тогда она отправилась к некоему месье де Монталамберу, который и купил у нее письма.

– А этот месье де Монталамбер… – начала Амалия.

– Его полное имя Андре Изидор Шарль Луи Филипп де Монталамбер, – мягко продолжал Багратионов. – Он граф, но его титул не мешает ему заниматься разными делами, весьма предосудительными с точки зрения закона.

– Он шантажист?

– Ну, в общем, да, – легко подтвердил Петр Петрович. – Но при всем при том весьма уважаемый человек.

– Не сомневаюсь в этом, – процедила Амалия. – Сколько он запросил за письма его величества?

Багратионов зачем-то оглянулся через левое плечо, затем через правое, стряхнул пот со лба, покосился на портрет императора, висящий на противоположной стене, и только после этого назвал цифру.

– Однако! – воскликнула изумленная Амалия, откидываясь на спинку кресла.

– Да, я тоже, помнится, сказал нечто подобное, – заметил Багратионов. – Теперь вы понимаете наши затруднения, баронесса. Ибо нельзя доверять такую сумму кому попало. Деньги, особенно большие, обладают свойством вводить людей в соблазн…

Прежде чем произнести то, что она собралась произнести, Амалия немного помедлила. И все же задала вопрос:

– А нельзя ли обойтись без выкупа вообще?

– То есть? – вскинул брови тайный советник.

– Насколько мне известно, в делах подобного рода редко имеет место честный обмен, – пояснила Амалия. – Ибо каждый безнаказанный шантаж побуждает к тому, чтобы его повторили. Что мешает месье де Монталамберу снять с писем копии и попытаться продать их по сходной цене? Или, скажем, дать нам понять, что он собирается продать их?

Багратионов задумчиво качнулся в кресле.

– Я бы не исключал и такую возможность, – промолвил он наконец, – если бы не характер самого графа де Монталамбера. В своем ремесле он профессионал. – И тайный советник тонко улыбнулся.

– Поясните, пожалуйста, – тихо попросила Амалия.

– С удовольствием. Быть шантажистом, дорогая баронесса, не так-то легко, как представляется. Если он перегнет палку и запросит слишком много, если допустит ошибку и нарвется не на того человека, у которого можно безнаказанно вымогать деньги, если наконец пойдет на поводу у своей жадности и попытается смошенничать – к примеру, так, как вы это только что описывали, – дни шантажиста будут сочтены. Что же до господина графа, то своим ремеслом он занимается около двадцати лет. Выводы делайте сами.

– То есть можно не опасаться неприятных сюрпризов с его стороны? – спросила Амалия.

Тайный советник потер верхнюю губу.

– Насколько я знаю графа де Монталамбера – нет. Это очень светский, воспитанный, уравновешенный господин. Мы с вами считаем его шантажистом, но когда вы его увидите, сами поймете, что к нему это определение подходит с трудом. Он скорее… – Багратионов шевельнул пальцами, – торговец. Во всяком случае, к своему делу он подходит именно так: у него есть товар, без которого вы не можете обойтись, а у вас – деньги, без которых не может обойтись он; конечно, вам придется заплатить за свое спокойствие, но как только это произошло, вы можете быть уверены, что ваша тайна так и останется вашей и никто в целом свете не узнает о ней. Вы, наверное, будете удивлены, баронесса, но большинство людей, с которыми граф имел дело, остались с ним в наилучших отношениях. По крайней мере, внешне. Согласитесь, это о многом говорит.

Амалия улыбнулась.

– Когда речь идет о внешнем, то может и ни о чем не говорить, – парировала она.

Петр Петрович внимательно поглядел на нее. «Да, она и впрямь очень умна. Ну что ж… Это упрощает дело». Сам Багратионов относился к тем умным людям, которые на дух не переносят глупцов.

– Так или иначе, решение уже принято, и принято оно не мной, – сказал он. – Следует выкупить письма у Монталамбера, и выкупить их за ту цену, которую он назначил. – Багратионов поморщился. – Конечно, это несусветные деньги, но ведь и письма тоже не простые, а написанные рукой его величества. Вы доставите графу деньги, и вы же привезете письма обратно в Россию. Вот и все, баронесса.

– Мне нужно знать подробнее о письмах, – сказала Амалия. – И о человеке, с которым мне придется иметь дело. Кроме того, ваше превосходительство, я бы хотела получить от вас инструкции относительно того, что мне делать, если что-то пойдет не так, как мы рассчитываем. – Она ослепительно улыбнулась и добавила: – На всякий случай.

– Я вас понял, – кивнул тайный советник. – Сначала о письмах его величества. Их всего одиннадцать, все – на французском языке. Начертаны государем собственноручно, подписаны «Александр».

– А что известно относительно бумаги? – спросила Амалия. – Есть ли на ней какие-нибудь знаки – гербы, печати, монограммы и так далее, – которые позволили бы определить, что письма написаны именно его величеством?

Багратионов покачал головой:

– Поскольку переписка некоторым образом держалась в секрете от посторонних, государь использовал для нее обычную бумагу. Никаких особых знаков на ней нет.

– Но если письма написаны на простой бумаге и подписаны лишь «Александр», для чего тогда нужно их выкупать? – вырвалось у Амалии. – Ведь тогда никто не сможет с уверенностью установить, что их писал нынешний император.

– Вы забываете о содержании писем, Амалия Константиновна, – тихо напомнил Багратионов. – Вот как раз из содержания, я думаю, очень легко вывести, кому они принадлежат. Там наверняка есть указания на тогдашние события и всем известных лиц. – Тайный советник вздохнул. – В свое время я представил государю такие же доводы, но он со мной не согласился. Его пожелание совершенно определенно, и хотя я понимаю, что вам не хочется идти на поводу у шантажиста, похоже, что нам все-таки придется заплатить графу де

Монталамберу. Другого выхода нет.

По тому, как твердо Багратионов произнес последние слова, Амалия поняла, что тайный советник больше не хочет возвращаться к данной теме.

– Расскажите мне о месье де Монталамбере, – попросила она. – Что вообще представляет собой этот граф, промышляющий шантажом?

Багратионов оживился.

– О, он весьма любопытная личность, весьма! Надо вам сказать, что род Монталамберов известен еще со времен Валуа. Его представители занимали при дворе различные должности, но во время революции их положение серьезно пошатнулось. Несколько Монталамберов отправились на гильотину, а оставшиеся предпочли скрыться за границу – кто в Англию, кто в Пруссию. И хотя все они были роялистами как по убеждениям, так и по многовековой привычке, это не помешало им примкнуть к Наполеону, когда он раздавил революцию и на ее обломках построил свою империю. Но, как вы знаете, империя Наполеона продержалась недолго, и Бурбоны вновь вернулись к власти. Монталамберам не повезло – они поставили не на того правителя, а Бурбоны, естественно, не слишком доверяли тем дворянам, которые предали их ради какого-то воинственного корсиканца. Мало-помалу род Монталамберов нищал и приходил в упадок, и даже то, что Бурбонов через некоторое время сменили Орлеаны, а их, в свою очередь, Наполеон Третий, мало что изменило. Так что графу де Монталамберу уже в довольно юном возрасте пришлось задуматься над тем, где бы достать деньги, тем более что он любил охоту, игру, скаковых лошадей и женщин, а на все это нужны средства. Поскольку он имел большой успех у слабого пола, то в конце концов решил жениться по расчету, но, увы, тут его обаяние дало осечку: ни одна состоятельная невеста не желала связывать свою жизнь с родовитым, но бедным женихом, который к тому же явно не собирался хранить ей верность. По нашим сведениям, – Багратионов взял со стола небольшой листок бумаги и взглянул на него, – Андре де Монталамбер впервые решился на шантаж в 1849 году. Ему было двадцать четыре года, и одна девушка слала ему пылкие письма, а потом ей подыскали хорошего жениха, и она забыла о Монталамбере. Неожиданно он напомнил о себе и пригрозил расстроить свадьбу, если ему не заплатят за письма, которые оставались у него. – Багратионов положил листок обратно на стол. – После этого граф долгое время не занимался шантажом, потому что его дальняя родственница, очень богатая дама, неожиданно умерла и оставила ему большую

часть своего состояния. Так что наш граф жил вполне безбедно, тратя время на охоту, игру, женщин и скаковых лошадей, пока не обнаружил – лет двадцать тому назад, – что от наследства тетки почти ничего не осталось. И тогда ему пришлось искать, как бы пополнить свой кошелек. Что из этого получилось – вам известно не хуже меня. Сейчас графу де Монталамберу пятьдесят восемь лет, он прекрасно сохранился для своего возраста, его принимают в свете, и ни один салон не осмеливается затворить перед ним двери, хотя всем отлично известно, чем именно он промышляет. Граф принадлежит к числу людей, с которыми никто не хочет ссориться, и хотя некоторые за глаза не прочь назвать его мерзавцем, никто никогда не осмелится сказать эти слова ему в лицо. – Багратионов прищурился. – Как вы думаете, баронесса, почему?

– Наверное, потому, что у каждого есть свои тайны, – предположила Амалия, – и никто не хочет, чтобы об их секретах кричали на всех углах.

– Отчасти да, – согласился Багратионов. – Но дело еще и в том, что наш граф – один из лучших стрелков из пистолета в Париже. Согласитесь, очень опасно заполучить такого врага. Поэтому, хотя все знают о том, какой деятельностью он занимается, но тем не менее предпочитают молчать, тем более что, как я уже говорил, шантажист он довольно… честный.

Тайный советник чуть усмехнулся. Амалию немало позабавили последние слова из уст начальника особой службы. А он добавил, как бы завершая разговор:

– Не думаю, что у вас будут с ним какие-то сложности. Если бы у нас появилась хотя бы тень сомнения в этом, мы бы никогда не отпустили вас одну.

– И все-таки, ваше превосходительство, – настойчиво сказала Амалия, – мне хотелось бы знать, что мне делать, если… если вдруг что-нибудь пойдет не так.

Багратионов выпрямился в кресле.

– Дорогая баронесса, – сказал он поскучневшим тоном, – вы ведь не новичок в нашей службе и должны знать, что обязанность агента в том и заключается, чтобы все шло именно так, как надо. Я полагаю, мне нет необходимости объяснять вам это. Что бы ни случилось, запомните: письма императора должны вернуться в Россию. Это не просто одиннадцать французских писем, подписанных именем «Александр», – это спокойствие императорской семьи и, в

конечном счете, спокойствие всей России, олицетворением которой является его величество. Если данные эпистолы попадут в чужие руки, скандал неизбежен, и тогда не будет иметь никакого значения то, что история, в них описанная, случилась двадцать лет тому назад. У России слишком много недоброжелателей, и мы не можем подавать им лишний повод для насмешек. Думаю, вы и без меня понимаете это и сделаете все от вас зависящее, чтобы его величество остался доволен вами. Тем более что от вас не так уж много требуется.

У Амалии заныло под ложечкой. По опыту она знала, что всякий раз, когда агенту говорят, что от него многого не потребуется и что ему дают самое простое поручение, все как раз и оборачивается так, что хуже некуда, и тогда приходится напрягать все силы, чтобы выбраться из сложившейся ситуации с наименьшими потерями. Однако вслух она только сказала:

– Я буду счастлива оправдать доверие его величества.

– Вот и прекрасно, – одобрил Петр Петрович. – И помните: мы надеемся на вас!

Глава 2

Еще несколько часов, и она будет в Париже. Амалия сладко зевнула и потянулась, пользуясь тем, что в роскошном купе, кроме нее, никого нет. Забавно – в Петербурге еще весна, май, в то время как по всей Европе уже наступило лето. Всякий раз, когда Амалия пересекала границу, ей приходилось прибавлять двенадцать дней к привычному календарю, а возвращаясь обратно, те же двенадцать дней отнимать, что представляло массу неудобств. Иногда получались прямо-таки фантастические построения – к примеру, выезжаешь из Вены десятого числа, а прибываешь второго числа того же месяца, то есть, считай, еще раньше, чем выехал. Для Амалии, которая превыше всего ставила логику, такое положение вещей было особенно мучительно.

«Однако все это глупости, – сказала она себе. – Главное – выкупить письма царя и доставить их в Петербург. Честно говоря, мне не терпится получить их в руки, потому что… потому что, как только я подумаю о той бумаге, которую везу с собой, мне даже становится не по себе».

Бумагой, которая повергала в трепет обычно храбрую Амалию, был вексель, выписанный на парижский банк Ротшильдов. По этому векселю банк обязался выдать предъявителю 75 000 франков наличными в любое время и по первому требованию. А поскольку 75 000 были в названное время более чем внушительной суммой, то легко понять беспокойство Амалии. От того, как она выполнит поручение царя, зависело ее будущее, и залогом его была эта красивая бумага, снабженная едва ли не полусотней печатей и подписей. Если вексель вдруг попадет не к тому человеку, для которого он предназначен… Чтобы ничего подобного не произошло, Амалия захватила с собой оружие и в поезде спала лишь урывками, тщательно запирая дверь купе.

Но вот и Северный вокзал с его суетой и толчеей. Гудят отъезжающие и прибывающие поезда, суетятся носильщики, потерявшаяся собачонка – смешная, рыженькая и лохматая – мечется кругами, заливаясь пронзительным лаем. На перроне баронессу Корф встретил Иннокентий Добраницкий, чиновник из русского посольства. Амалия хорошо помнила этого человека – он был на ее свадьбе с бароном Корфом.

– О, Амалия Константиновна! Все так же прекрасны, как всегда… и даже еще прекраснее! Осторожно, здесь ступенька… Где ваш багаж?

Добраницкий говорил, не закрывая рта. Пока слуги переносили чемоданы баронессы в экипаж, он успел рассказать Амалии о последних театральных премьерах, о скандальном разводе дочери какого-то пэра, о трех свадьбах в парижском высшем свете, двух нашумевших кражах и девяти дуэлях. Когда Амалия и Иннокентий Петрович наконец сели в экипаж, в ход пошли слухи о том, кого из сослуживцев повысят, а кого понизят, сплетни о том, кто с кем живет, и новейшие литературные новинки. Амалия рассеянно кивала, улыбалась и про себя думала, какой же ее знакомый пустой, невыносимый болтун.

А Добраницкому было просто неловко находиться с ней рядом. Он дружил с Александром Корфом, знал, что тот души не чаял в своей жене, и то, что Амалия могла бросить такого человека и подать на развод, вовсе не красило ее в глазах чиновника. Он чувствовал себя не в своей тарелке и, чтобы Амалия не догадалась об этом, пытался вести непринужденную беседу, не замечая, до чего же, наоборот, неестественно она выглядит. Поэтому Иннокентий Петрович был донельзя рад, когда экипаж наконец подъехал к зданию посольства.

– Граф Шереметев примет вас немедленно, – доложил Амалии представительный лакей.

Граф был русским послом во Франции. Он встретил Амалию весьма любезно, осведомился, как поживает ее супруг, и тут же перешел к цели ее визита. Стало быть, именно ей поручено выкупить юношеские письма императора? Что ж, похвально, весьма похвально. Очень жаль, конечно, что подобные бумаги оказались в столь неподходящих руках, но…

– Вы хорошо знаете месье де Монталамбера? – спросила Амалия. – Не могу ли я опасаться какой-либо каверзы с его стороны?

Однако граф, как и до того Багратионов, заверил ее, что беспокоиться ей совершенно не о чем. Монталамбер – человек слова, и если они выкупят у него бумаги, им больше нечего опасаться с его стороны.

– Что ж, звучит утешительно, – вздохнула Амалия. – Хотя лично я предпочла бы, чтобы этот «человек слова» с камнем на шее оказался на дне морском.

Граф Шереметев, несколько озадаченный такой ее реакцией, все же нашел в себе силы заметить, что отнюдь не все на свете складывается так, как нам хотелось бы. Амалия не стала возражать и, переменив тему, спросила, где она будет жить во время своего пребывания в Париже.

– О, тут проблем никаких не будет, – заверил ее посол. – Недавно мы приобрели у княгини Лопухиной один из ее особняков, к которому она охладела. Он полностью меблирован, а что касается прислуги, то вы можете взять любого из моих людей.

– Я бы хотела сначала взглянуть на особняк, – сказала Амалия, – а относительно прислуги я еще подумаю.

Двухэтажный белый дом оказался прелестным и сразу же понравился Амалии. На соседних улицах располагались жилища многих знатных особ – герцога Лотреамона, к примеру, – но Амалию соседи ни капли не интересовали.

– Пожалуй, я останусь здесь, – заявила она Шереметеву. – А прислуга мне не понадобится, потому что в нашем деле лишние уши совершенно ни к чему.

– Но как же горничная? Разве вы сможете обходиться без ее услуг?

Амалия ответила, что горничная ей не нужна. Она прекрасно знала, сколько дел в свое время провалилось из-за излишней болтливости горничных, и не желала рисковать. Однако граф продолжал настаивать. Положим, горничная ей ни к чему. А повар? Ведь должна же она что-то есть!

– Я думаю, будет вполне достаточно, если из посольства мне три раза в день будут доставлять еду, – сказала Амалия. На том и остановились.

По правде говоря, куда больше вопроса о прислуге Амалию занимал человек, которому она должна была отдать огромную сумму денег, и она спросила графа Шереметева:

– Когда вы сможете устроить мне встречу с графом де Монталамбером? Я бы хотела как можно скорее покончить с этим делом.

– Пожалуй, – отвечал посол, подумав, – сегодня вечером я смогу вас с ним познакомить. Герцогиня де Лотреамон устраивает бал, куда он наверняка приглашен. Если вы не возражаете, я мог бы заехать за вами в семь часов.

– Вы меня чрезвычайно обяжете, ваше сиятельство, – промолвила Амалия.

И, попрощавшись с послом, она отправилась подбирать себе наряд для вечернего приема.

* * *

– Графиня де Суассон! – возвестил лакей.

К вновь прибывшей тотчас же поспешила хозяйка – четвертая жена герцога де Лотреамона. Это была молодая и, пожалуй, даже красивая брюнетка немного за двадцать. Но оттого, что она беспрестанно улыбалась широкой, обнажающей

десны улыбкой, возникало впечатление, что зубов у нее по крайней мере в два раза больше, чем нужно. За герцогиней тенью следовал брюнет с холеными бакенбардами – ее кузен Люсьен де Марсильяк, журналист и светский острослов, в меру задиристый, в меру язвительный, но безмерно привлекательный, чем он, кстати сказать, пользовался без зазрения совести. Злые языки поговаривали, что между ним и герцогиней роман, но поскольку в Париже у всех есть романы, то никто не обращал на это особого внимания, тем более что герцог де Лотреамон был не то в три, не то в четыре раза старше своей супруги и к тому же успел похоронить всех своих предыдущих жен.

– Дорогая! – проворковала графиня де Суассон. – Какое чудное платье! Ах, как я рада тебя видеть!

– А я-то как рада тебя видеть, Клер! Ты прекрасно выглядишь!

– Ах, Эглантина, ты так добра! Как твой бедный муж? Ему лучше?

На подвижное лицо герцогини де Лотреамон набежало облачко.

– Увы, нет! Доктора опасаются самого худшего. Но он держится, мой бедный Робер!

– Ах, дорогая Эглантина! – расчувствовалась графиня. – Как же это все ужасно!

– Да, моя милая Клер! Ты даже представить себе не можешь, как я страдаю!

– До чего же она отвратительна! – заявила герцогиня де Лотреамон Марсильяку, стоило Клер отойти. – Видеть ее не могу!

– Зачем же ты ее приглашаешь? – спросил журналист.

– Она дальняя родственница Робера. – Герцогиня де Лотреамон передернула плечами.

– Бабушка или прабабушка? – поинтересовался Марсильяк с невинным видом.

– О Люсьен, как ты жесток! По-моему, ей всего шестьдесят лет, не больше.

– Уверен, шестьдесят ей сравнялось еще в прошлом веке, – заявил молодой человек.

– Если не в позапрошлом, – промурлыкала герцогиня, сжимая его руку.

Лакей продолжал объявлять имена прибывающих гостей:

– Мадам Сюзанна Флон! Граф Лериш!

Вечер продолжался своим чередом.

– Ах, дорогая! Как я рада… Счастлива вас видеть, месье! Вы так молодо выглядите… Какое красивое платье… Какая изумительная прическа… Ах, мой бедный муж…

– Так, кто еще? – иронически осведомился Марсильяк, оглядывая входящих. – Маркиза де Брионн, подумать только! Невероятно! Еще когда я был мальчиком, она утверждала, что ей двадцать пять лет, и с тех пор постарела всего на три года. Сейчас всем любопытствующим она говорит, что ей двадцать восемь.

– Неужели? Да она выглядит, как отреставрированный монумент!

– То, что она отреставрирована, совершенно верно, – со смешком согласился Марсильяк. – Но это отнюдь не произведение искусства, уверяю тебя.

– А вон дочь маршала Канробера! По-моему, ее лошадиное лицо стало еще длиннее с тех пор, как я ее видела в последний раз.

– И немудрено: ее супруг всегда предпочитал кобыл.

– Ну, сама-то она больше любила жеребцов, если верить слухам… А вот и русский посол! Говорят, его любовница изменяет ему с журналистом Лораге… Хм, а что за дама с ним?

– С графом Шереметефф?

– Баронесса Амалия Корф! – зычно возвестил в это время лакей.

Обмахиваясь расписным веером, Амалия грациозно вступила в зал. На ней было бирюзового цвета платье с треном, которое как нельзя лучше шло к ее светлым волосам и бледной коже блондинки, и глаза почти всех присутствующих мужчин незамедлительно обратились на нее. Герцогиня де Лотреамон озадаченно нахмурилась.

– Однако она мила! – промолвил Марсильяк, и этих слов оказалось вполне достаточно, чтобы его кузина тотчас же бросилась в атаку.

– Блондинка, – пренебрежительно заметила она. – Наверняка крашеная.

– Тогда бы у нее были черные корни, – заметил Марсильяк.

– Значит, это парик, – безапелляционно заявила герцогиня. – И вообще она смахивает на кокотку. Интересно, она любовница русского посла или нет?

– Насколько я знаю, у него две любовницы, и он им верен, – отозвался Марсильяк. – Чего не скажешь о них самих.

– Две любовницы – еще не повод, чтобы не заводить третью, – с типично парижской легкомысленностью отмахнулась герцогиня. Она широко улыбнулась приближающемуся к ней послу и шедшей с ним даме в голубом. – Добрый вечер, господин граф! Очень, очень рада вас видеть! Представьте нам вашу прелестную спутницу! – Слово «прелестная» сопровождалось взглядом, обжигающим, как серная кислота.

– Баронесса Амалия Корф, – начал процедуру знакомства граф Шереметев. – Герцогиня Эглантина де Лотреамон. Месье Люсьен де Марсильяк.

– Счастлив с вами познакомиться, сударыня, – совершенно искренне сказал Марсильяк, целуя баронессе ручку. – Вы надолго к нам в Париж?

– О, как получится, – отозвалась Амалия. – Кажется, вы хотели познакомить меня с остальными гостями? – спросила она у Шереметева.

Граф мгновенно понял намек.

– Да, конечно… Прошу вас, сударыня.

Он взял Амалию под руку и увлек ее в гостиную.

– Люсьен, – строго заметила герцогиня своему кузену, – я нахожу неприличным то, как вы смотрели на эту особу.

– Полно вам, кузина! – с укоризной промолвил молодой человек. – Вы будто не знаете, что в целом мире для меня не существует никого, кроме вас, – шутливым тоном добавил он.

Герцогиня с треском сложила свой веер. Ее глаза вспыхнули неподдельной обидой.

– О, Люсьен! Иногда мне кажется, что вам нравится дразнить меня! – Она отвернулась, а ветреный журналист, воспользовавшись этим, послал нежную улыбку вслед уходящей баронессе.

– Месье де Марсильяк – любовник хозяйки? – как бы между прочим поинтересовалась Амалия у графа, когда они отошли на достаточное расстояние.

– Да, кажется, – довольно равнодушно отозвался Шереметев.

– А как на это смотрит ее муж, герцог де Лотреамон?

– У герцога де Лотреамона свои заботы, – ответил граф. – Он тяжело болен, так что ему сейчас не до шашней его жены. – Он понизил голос и слегка сжал локоть Амалии: – А вот и месье де Монталамбер!

Амалия замедлила шаг. Если внешность и в самом деле бывает обманчивой, то, без сомнения, она никогда еще не являлась более обманчивой, чем в данном случае. Перед Амалией стоял весьма ухоженный господин с величавой осанкой, благородной сединой в черных волосах и изящными чертами лица. Голубые глаза, пожалуй, казались чересчур проницательными, чем подобает обычному

светскому завсегдатаю, однако это являлось единственным, что можно было поставить ему в упрек. Красивые румяные губы под выхоленной щеточкой седоватых усов изогнулись в любезной улыбке.

– О, господин посол! Какая честь! А с вами… – он умолк и в ожидании ответа поглядел на Амалию, которая обмахивалась веером как ни в чем не бывало.

– Это баронесса Амалия Корф, – сказал граф Шереметев. – Она прибыла сюда специально из России по делу, которое весьма интересует нас обоих. – И он сделал ударение на слове «весьма».

Улыбка графа слегка померкла, однако он тут же сумел овладеть собой и склонился над рукой Амалии.

– Госпожа баронесса, ваш покорный слуга!

«Ах, щучья холера, чтоб тебе провалиться!» – подумала Амалия, не переставая улыбаться графу. Ибо наша героиня была так устроена, что презирала преступников, каким бы высоким ни было их положение в свете. А человек, который подстерегал ошибки своих ближних и делал на них деньги, был в ее глазах едва ли не худшим из всех людей.

Чувствуя, что в его присутствии больше нет надобности, граф Шереметев тактично отошел, и Амалия осталась наедине с Андре де Монталамбером.

– Право же, я пребываю в смущении, – сказал Монталамбер. – Никогда не думал, что ко мне, чтобы… чтобы обсудить один известный нам вопрос, из Петербурга пришлют столь очаровательную особу.

– Давайте перейдем к делу, господин граф, – перебила его Амалия, которой любезности в устах шантажиста были крайне неприятны. – У меня только один вопрос: где и когда?

– Простите? – Граф озадаченно приподнял брови.

– Сударь, – холодно сказала Амалия, – давайте не будем усложнять друг другу жизнь. Насколько мне известно, вы собираетесь заработать семьдесят пять

тысяч франков, а я – получить одиннадцать писем, которые не подлежат огласке. Поэтому я буду вам весьма признательна, если вы скажете мне, где и когда мы произведем обмен.

К ним подошел лакей с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским.

– Не хотите? – спросил Монталамбер, снимая с подноса один из бокалов на высокой ножке.

Амалия отрицательно покачала головой. Этот человек, такой приятный, такой благообразный на вид, внушал ей гадливость, и, разумеется, она не собиралась с ним пить. А он укоризненно покачал головой:

– Напрасно, у Эглантины всегда прекрасное шампанское. Вы многое теряете… Амалия.

– Баронесса Корф, – еще более холодным тоном поправила она.

– Конечно, баронесса. – Монталамбер отпил глоток, не переставая зорко наблюдать за своей собеседницей. – Ваша… мм… напористость меня ошеломила. Я не привык вот так сразу говорить о делах.

– По-моему, у вас было целых двадцать лет, чтобы научиться этому, – не удержавшись, съязвила Амалия. – Если не считать тот первый случай в ваши двадцать четыре года.

Амалия всего лишь хотела поставить своего собеседника на место, однако она упустила из виду, что очаровательная женщина становится еще очаровательнее, когда сердится. А то, что Амалия сердилась, было заметно невооруженным взглядом.

– И все-таки я не понимаю, почему в Петербурге выбрали именно вас… – задумчиво заметил граф. – Вы совсем не годитесь для… для такой работы. – Последнее слово он произнес как бы про себя.

– Я бы все-таки желала услышать ответ на свой вопрос, – резко проговорила Амалия, обмахиваясь веером.

Монталамбер решился.

– Завтра в моем особняке в пять часов вечера, – сказал он. – Вы знаете, где я живу? На рю де Гренель.

«Этого и следовало ожидать», – мелькнуло в голове у Амалии. На улице Гренель располагались самые роскошные особняки парижской аристократии.

– Сначала я должна убедиться, что письма подлинные, – сказала она. – Только после этого вы получите свои деньги.

– Хорошо, – довольно равнодушно ответил Монталамбер. – Так до завтра, Амалия?

– Баронесса Корф, – снова поправила она.

– Я буду ждать с нетерпением, – пообещал граф. И, что самое интересное, он говорил чистейшую правду.

Сухо кивнув на прощание, Амалия удалилась. К ней подошел граф Шереметев.

– Как успехи, госпожа баронесса? Вам удалось договориться с господином графом?

Амалия ответила утвердительно. Бал меж тем уже начался, и посол пригласил ее на танец. Амалия полагала, что когда танец закончится, она сумеет незаметно покинуть особняк герцогини, но не тут-то было. Баронессу Корф то и дело приглашали, и вскоре, к своему удивлению, она оказалась в центре всеобщего внимания. Люсьен де Марсильяк расточал ей комплименты, а какой-то приземистый господин – как он сообщил, специалист по дворянским генеалогиям – танцевал с ней целых три вальса.

Лишь около полуночи ей удалось наконец ускользнуть. Сбегая по лестнице, она едва не задела шедшего ей навстречу блондина в красивом мундире. Извинившись, Амалия продолжила свой путь, а военный обернулся и провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

Глава 3

– Месье граф, к вам госпожа баронесса Корф.

– Проси, – велел Андре де Монталамбер.

Часы пробили пять раз и умолкли. Дверь комнаты растворилась, и вошла Амалия. Сегодня она была в сером, и граф сразу же решил, что этот цвет ей куда менее к лицу, чем вчерашний.

– Я очень рад, что вы пришли, – сказал он. – Присаживайтесь, прошу вас.

Из внутренних покоев выбежала большая белая собака. Слегка царапая по полу когтями, она дошла до середины комнаты и остановилась, недоуменно глядя на посетительницу. Та явно была напряжена, и пес мгновенно почувствовал ее напряжение.

– Это Скарамуш, – объяснил хозяин дома. – Иди сюда, Скарамуш!

Пес подошел к нему, виляя хвостом, и покорно улегся у его ног. Глаза собаки по-прежнему были устремлены на Амалию.

– А вы ему понравились, – неожиданно промолвил Монталамбер. – Странно – моему псу редко кто нравится.

Амалия вздохнула.

– Может быть, поговорим о письмах? – сухо сказала она.

Глаза графа сузились.

– Как вам будет угодно, госпожа баронесса. – Мизинцем он указал на стол, возле которого сидела Амалия. – Прошу.

На столе лежала красивая резная шкатулка с инициалом «А» на крышке. Поколебавшись, Амалия открыла ее. Внутри оказались пожелтевшие листки бумаги, исписанные неровным, прыгающим почерком. Амалия взяла письма и стала просматривать их одно за другим.

– Что с ней стало? – внезапно спросил Монталамбер.

– Простите? – Амалия подняла голову от листков.

– Княжна Мещерская, – терпеливо пояснил шантажист. – Что с ней потом стало?

– Разве мадемуазель Перпиньон не сказала вам? – удивилась Амалия. – Княжна умерла. Пятнадцать лет тому назад.

– Отчего? – Пальцы Монталамбера постукивали по подлокотнику, взгляд его глаз жег Амалию.

Сердясь на себя, хотя в вопросах ее собеседника не было ничего особенного, Амалия ответила:

– Она вышла замуж, родила сына. У нее случилась родильная горячка, и она умерла. Вот и все.

Монталамбер поднялся с места и заходил по комнате.

– Похоже, что любовь не принесла ей счастья, – заметил он.

– А любовь и не должна приносить счастье, – отозвалась Амалия, просматривая очередное письмо, в котором наследник писал, что его жизнь была бы совсем невыносима, если бы не милая Мари. – Она сама уже есть счастье.

Монталамбер улыбнулся.

– Мне нравится, что вы так думаете, – сказал он.

Амалия метнула на него подозрительный взгляд и сложила письма.

– Здесь все одиннадцать, – промолвила она, после чего открыла свою сумочку и извлекла оттуда сложенную вчетверо бумагу.

Монталамбер рассеянно взглянул на листок.

– Что это? – спросил он.

– Ваши семьдесят пять тысяч, – ответила Амалия. – Держите.

– Нет, – внезапно произнес Монталамбер. – Так дело не пойдет.

И прежде чем Амалия успела сообразить, что происходит, он подскочил к ней, выхватил из ее рук драгоценную шкатулку и вернулся на свое место. Амалия медленно поднялась с кресла. Щеки ее заполыхали. Скарамуш негромко зарычал.

– Условия меняются, – сказал граф. – Сядьте, Амалия, прошу вас.

Сознавая свое бессилие, Амалия опустилась на сиденье. Монталамбер сел в кресло и поставил шкатулку на подлокотник.

– Эти письма, – веско и рассудительно заговорил он, – стоят много дороже, чем какие-то семьдесят пять тысяч, и вы прекрасно это знаете.

– Так я и думала, – мрачно сказала Амалия. – Вы захотели поднять цену. Почему же не предупредили об этом Шереметева? Теперь придется ждать, когда мне пришлют остальные деньги.

– Деньги тут ни при чем, – отозвался Монталамбер.

– В самом деле? – иронически промолвила Амалия. – Тогда что я тут делаю? И что за бумага у меня в руке? Неужели не вексель на семьдесят пять тысяч? Ведь это же целое состояние!

– Не для меня, – спокойно ответил Монталамбер. – Я и так богат, к вашему сведению.

– Да-да, я знаю. – Амалия вся кипела. – А своей деятельностью вы занимаетесь из чистой благотворительности.

– Моя деятельность? – Граф улыбнулся, поглаживая шкатулку. – Понимаю. Вы хотите сказать, что я гнусный шантажист.

– О нет! – ехидно парировала Амалия. – Конечно же, вы сама добродетель, только я этого почему-то не разглядела.

– Добродетель? – Монталамбер улыбнулся еще шире. – Нет, Амалия, вы не правы. Я – кара господня.

– Даже так?

– Именно так. Вы знаете, Амалия, что за люди попадаются в мои сети? Мошенники, мерзавцы, малодушные предатели, попросту преступники. Однажды они совершили тяжкий грех, но общество их не покарало. Да что там общество – их никто не покарал, и никто даже не знает о том, что они сотворили. Получается, что все дозволено, если никто об этом не знает. Можно украсть, обмануть девушку, предать друга, можно убить богатую жену, отравить собственного мужа. К счастью, люди неосторожны и вдобавок болтливы, и чаще всего они доверяют бумаге именно то, что не следует доверять никому. Рано или поздно эти строки попадают мне на глаза, и тогда я начинаю действовать. Ах, какой же страх охватывает их, этих червяков, когда они понимают, что правда может выйти наружу! Как они начинают раскаиваться, как зарекаются, что никогда больше не позволят себе ничего подобного! – Глаза графа сделались стальными, как лезвие ножа. – Вы говорите, я это делаю ради денег. Ничуть, Амалия. Деньги уже давно мне не нужны. Просто иногда так приятно видеть, как отпетый мерзавец дергается у тебя на крючке! Да за такое удовольствие я сам готов заплатить что угодно.

– Разве в ваши сети попадают одни мерзавцы? – тихо спросила Амалия. – А несчастные, которые просто оступились или совершили глупость? Неужели вы их великодушно отпускаете? Что-то не верится.

– Все очень просто, Амалия, – лучась улыбкой, ответил этот непостижимый человек. – Если хотите не попасть в лапы шантажисту, ведите себя соответствующим образом. Не лгите, не крадите, не увечьте чужие жизни и не

отбирайте их. Будьте честны, соблюдайте заповеди господни и живите по совести, тогда никто и никогда не сумеет вас сломать. Если вы этого сами не захотите, конечно. Потому что людям порой свойственно губить себя по самой пустяковой причине.

– Ну, хватит! – взорвалась Амалия. – Довольно этого балагана, сударь! Лучше называйте сразу свою цену, и покончим с этим! А без ваших проповедей я вполне могу и обойтись!

Монталамбер откинулся на спинку кресла.

– Не надо так волноваться, баронесса, – вкрадчиво шепнул он. – Письма, от которых зависит благополучие целой державы, хотя это всего лишь письма человека, который предал свою любовь, не стоят даже ломаного гроша. И я отдам их вам… бесплатно.

Амалия удивленно смотрела на него. Она ожидала какого-то подвоха, ловушки, но ее собеседник, казалось, говорил совершенно искренне. Неужели он и в самом деле собирается просто отдать письма ей? Но почему?

– Тогда давайте их сюда, – с вызовом промолвила она, протягивая руку.

– Не так скоро, – мягко ответил граф. – Взамен я рассчитываю на вашу признательность.

Амалия уже хотела ответить: «Я и так вам признательна», но какая-то особая нотка в голосе Монталамбера заставила ее насторожиться.

Вот оно, значит, что! Ах ты мерзавец!

– Простите, сударь, – с вызовом проговорила она, – но не могли бы вы уточнить, о какой именно признательности идет речь?

Прежде чем ответить, граф сделал губы трубочкой.

– По-моему, вы и так уже все поняли, – небрежно уронил он. – Я же говорил вам: вы не годитесь для этой работы. Вы красивая женщина… очень красивая

женщина… и заслуживаете гораздо лучшего.

– Ах вот как… – Амалия не говорила, а клекотала, как змея. – А лучшее, надо полагать, это вы.

– Именно, – подтвердил граф.

На щеках Амалии проступили красные пятна. Она тяжело задышала.

– Я не склонна так считать, – сквозь зубы процедила она.

Монталамбер помрачнел.

– Как вам будет угодно, – очень холодно промолвил он. – Вы упускаете выгодную сделку, госпожа баронесса. Вы могли бы получить письма, – он коснулся резной шкатулки, – даром, а деньги забрать себе, и никто бы никогда не узнал об этом. Семьдесят пять тысяч франков, целое состояние, – повторил он ее слова.

В то мгновение Амалия была готова его убить.

– Я не продаюсь, – проскрежетала она. – В отличие от вас, господин граф.

– Значит, нет? – спокойно спросил Монталамбер.

– Нет, – отрезала Амалия.

– Ну что ж… – Монталамбер картинно вздохнул. – Тогда я вынужден буду продать их англичанам. Уверен, они с радостью ухватятся за мое предложение. У России всегда были напряженные отношения с Британской империей, так что грех было бы не воспользоваться этим.

– Вы мерзавец, – мрачно сказала Амалия. – Подлый мерзавец!

– Сударыня, – произнес граф как бы в пространство, – я понимаю ваши чувства, но должен вам заметить, что я никому не позволяю оскорблять себя в своем доме.

Амалия поднялась с места. Скарамуш мгновенно вскочил на ноги, настороженно следя за ней. От красивой молодой женщины исходила такая волна ненависти, что собака на мгновение даже испугалась.

– Назначьте вашу цену, – почти умоляюще попросила Амалия.

Граф насмешливо улыбнулся:

– Я ее уже назначил. Вы, кажется, невнимательно слушали.

– Ну что ж. – Амалия оскалилась, медленно сложила злополучный вексель и спрятала его обратно в ридикюль. – Мой ответ – нет.

– А мой ответ – я продам эти письма англичанам, – повторил граф де Монталамбер. – Вы готовы к такому повороту, баронесса?

Амалия стиснула в руках ридикюль. Он блефует, шепнул ей вкрадчивый внутренний голос. И вовсе нет, возразил ему голос здравого смысла. Если эти бумаги попадут к англичанам, неприятностей не избежать, а организовать передачу писем – легче легкого. Но что же ей делать? Согласиться на предложение этого мерзавца и стать его любовницей? «Ни за что!» – ужаснулась Амалия. Стало быть, оставался единственный выход.

– Денег вы не хотите, – промолвила она, стараясь казаться спокойной, хотя ее так и подмывало сотворить с собеседником что-нибудь нехорошее. – Даже сто тысяч франков?

Монталамбер покачал головой:

– Нет.

– А сто двадцать тысяч?

– Нет. Ни сто двадцать, ни сто пятьдесят.

Дурочка, думал он. Маленькая глупая дурочка. Неужели она не понимает, как высоко он ее ставит? Ей же должно льстить, что он поставил ее выше таких

денег! Но баронесса Корф не умела мыслить подобными категориями.

– Я могу подумать? – спросила она.

Граф метнул на нее быстрый взгляд. Понятно. Мы уже начали колебаться. Еще немного, и она уступит.

– Три дня, – сказал он.

– Неделю, – ответила баронесса Корф.

– Хорошо, – легко согласился граф. – Но помните: через неделю меня уже никто не остановит, я продам письма англичанам.

«Ну, это мы еще посмотрим», – сказала себе Амалия, выходя из комнаты.

Видя, что гостья исчезла, Скарамуш с облегчением мотнул головой и ткнулся носом в руку хозяина. Монталамбер рассеянно погладил его.

– Прелестная женщина. И глаза у нее с искорками! Такой у меня еще не было, Скарамуш. Честное слово! – Граф оживленно потер руки.

«Хозяин, – говорили глаза собаки, – не играй с ней, не надо! Она же опасна! Она вовсе не такая, какой кажется!»

Но люди не умеют читать мысли собак. А жаль.

Глава 4

– Монталамбер отказывается отдавать письма, – сказала Амалия послу на следующее утро.

Граф Шереметев переменился в лице.

– Как! Он не хочет брать семьдесят пять тысяч франков?

– Нет. – Амалия мотнула головой. – Он дал мне понять, что намерен заключить сделку с англичанами.

– Но, Амалия Константиновна, – пролепетал посол, когда вновь обрел дар речи, – этого ни в коем случае нельзя допустить! Сами знаете, какие у нас сейчас отношения с Англией…

– Знаю. Поэтому мне понадобится ваша помощь.

– Все, что вы захотите! – поспешно ответил Шереметев.

– Я намерена пробраться в дом Монталамбера и выкрасть письма, – пояснила Амалия.

Тут посол утратил дар речи вторично.

– Но, Амалия Константиновна, ведь это…

– Знаю, – отмахнулась его собеседница. – Это уголовно наказуемое деяние, недопустимое, чреватое неприятными последствиями и так далее, но у нас нет выбора. Или мы выкрадем письма, или через неделю все газеты Европы будут пестреть сообщениями о юношеской любви русского царя.

– Хорошо. – Шереметев вытер проступивший на лбу пот. – Так чем именно я могу вам помочь?

Выслушав Амалию, он вызвал своих доверенных лиц и дал каждому из них поручение. Один должен был раздобыть подробный план дома, в котором проживал Монталамбер, другой – собрать информацию обо всех имеющихся в доме слугах, третий – узнать, где именно граф прячет резную шкатулку с инициалом «А» на крышке, в которой хранятся драгоценные для русской короны письма.

Что же до самой Амалии, то она положила вексель на семьдесят пять тысяч в банковскую ячейку, снятую на собственное имя, и вернулась к себе в особняк.

Граф Шереметев вторично предложил прислать к ней слуг, но Амалия ответила отказом. Ей не хотелось, чтобы кто-либо из посторонних людей оказался свидетелем того, что она затевала, тем более что дело предстояло и впрямь нешуточное.

Тщательно заперев двери, Амалия поднялась в свою комнату и принялась распаковывать изящный чемоданчик красной кожи, в котором хранились милые дамскому сердцу безделушки – веера, перчатки и невесомые шелковые шарфики. Но отбросив все их в сторону, Амалия засунула руку в неприметное углубление на дне чемодана и извлекла оттуда аккуратно перевязанный пакет продолговатой формы. Когда Амалия сняла с него тесемки и развернула бумагу, внутри оказалось несколько предметов, по форме сильно смахивающих на свечи, а на ощупь отдаленно напоминающих мыло. Сходство со свечами усугублялось еще и тем, что из каждого предмета торчал фитиль, хотя и довольно длинный. Это были динамитные шашки.

Не удержавшись, Амалия улыбнулась и послала сим предметам воздушный поцелуй. Затем она отложила связку шашек в сторону и стала искать бикфордов шнур, предусмотрительно запрятанный в другом чемодане среди поясков и брошек. Уложив шнур вместе с шашками в запирающийся ящик стола, наша героиня сильно воспрянула духом и отправилась сочинять горящему страстью графу де Монталамберу жалобное письмо, чтобы усыпить бдительность старого шантажиста.

«Насколько я знаю эту породу людей, – думала она, – вряд ли он будет хранить письма императора у всех на виду… Скорее всего, мерзкий граф прячет их в каком-нибудь несгораемом шкафу. Какое счастье, что я не стала слушать Багратионова и захватила с собой динамит на случай, если месье Монталамбер вдруг окажется менее сговорчивым! В хорошеньком бы положении я сейчас оказалась, если бы сразу не предусмотрела такую возможность!»

И, улыбаясь во весь рот, она легко закончила письмо, в котором умоляла графа сжалиться над ее молодостью, уверяла, что не питает к нему страстных чувств, и взывала к его благородству.

«Отправлю эту чепуху по почте, а пока… Пока остается только ждать».

Амалия подумала, чем бы ей занять себя, пока нужные ей сведения еще не были собраны. Пойти в театр? Поехать кататься в Булонский лес? Но тут она вспомнила об одном своем друге, который находился сейчас в туберкулезном санатории на юге Франции, где лечил больные легкие. Амалия почувствовала угрызения совести. Подумать только, ведь она так давно ему не писала! Почти целый месяц!

«Напишу ему письмо, – решила она, – и пошлю ящик книг… Он же так любит читать!»

Она написала на новом листке: «Дорогой Билли» и остановилась. На мгновение у нее мелькнула мысль приобщить своего друга к делу, которым сейчас занималась. Билли мог оказать ей существенную помощь, но она вспомнила слова доктора, давшего ей понять, что пациент должен оставаться в санатории по крайней мере до конца 1883-го, и ей стало стыдно.

«Нет, я не имею права рисковать его здоровьем… В конце концов, дело-то совсем пустячное. Справлюсь сама».

И Амалия написала Билли обстоятельное, дружеское и милое письмо, в котором призывала его поменьше курить, слушаться врачей и побольше времени проводить на свежем воздухе. В заключение она обещала навестить его, как только у нее появится возможность.

Взяв с собой оба письма, Амалия надела новую шляпку и отправилась на почту. По пути она заглянула в книжную лавку, где отобрала штук двадцать новейших приключенческих романов, и попросила переслать их в Ментону, месье Уильяму Генри Мэллоуну[2 - О приключениях Амалии и Билли на Диком Западе читайте в романе В. Вербининой «Амалия и бриллиантовая Пуля», издательство «Эксмо».]. Продавец обещал исполнить все в точности.

Отправив письма, Амалия вернулась в особняк. Вечером к ней заглянул Иннокентий Добраницкий. Он принес план дома Монталамбера, который ему удалось раздобыть в архитектурном управлении Парижа.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – сказал Добраницкий на прощание.

На другой день Амалия получила остальную информацию, необходимую для претворения в жизнь ее замысла. Итак… В доме Монталамбера немного слуг: лакей, повар, кучер и садовник. Последний приходит три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам. Повар появляется только тогда, когда граф устраивает у себя приемы, потому что месье де Монталамбер предпочитает обедать в ресторанах.

– Стало быть, остаются лакей и кучер, – резюмировала Амалия. – Мне нужна о них дополнительная информация – есть ли у них родственники, где они живут и так далее. Кроме того, мне нужно знать, когда в ближайшие дни графа не окажется дома.

Впрочем, добыть все эти сведения не составляло труда. Куда сложнее дело обстояло со шкатулкой, в которой хранились царские письма. Только через два дня агент, которому было поручено разузнать, куда граф ее прячет, смог доложить Амалии.

– В спальне графа, за небольшой картиной в позолоченной раме, находится несгораемый шкаф, сделанный по специальному заказу в английской фирме, которая также изготовляет сейфы для банков. – Агент поколебался. – Насколько мне известно, открыть его, не зная нужной комбинации цифр, практически невозможно.

– Ну, это мы еще посмотрим, – хмыкнула Амалия, косясь на ящик, в котором находилась заветная связка динамитных шашек. – Опишите мне картину, пожалуйста.

– Это портрет матери графа, – с готовностью отвечал агент. – На нем изображена красивая женщина с розой возле корсажа. В правом нижнем углу дата: 1839.

– Прекрасно. – Амалия сделала какую-то пометку на лежащем перед ней листке. – Что еще известно относительно сейфа?

Агент вздохнул.

– Он открывается ключом, а после того, как ключ повернут, надо набрать восемь цифр кода. Ключ существует в единственном экземпляре и хранится у господина графа. Как мне удалось выяснить, тот постоянно носит ключ с собой.

– Это усложняет дело, – заметила Амалия. – Ключ, да еще и код… Восемь цифр – стало быть, больше сорока тысяч возможных комбинаций… – Она встряхнула головой. – Хорошо. Можете идти.

Агент шагнул к двери.

– Будут ли еще какие-либо поручения, госпожа баронесса? – спросил он, уже взявшись за ручку двери.

– Возможно, – уклончиво ответила Амалия.

Вскоре она узнала все недостающие ей данные. У кучера Венсана близких родственников нет, у лакея Шевалье есть старая мать, которая живет в Ла-Рошели. Что же до передвижений графа де Монталамбера, то в эту субботу, то есть уже послезавтра, состоятся скачки, которые он никогда не пропускает. Так что в это время его, скорее всего, не будет дома.

Удовлетворенно потерев руки, Амалия вызвала к себе агентов:

– Так, господа, начинаем операцию. Лишних вопросов просьба не задавать, вы должны лишь исполнить то, что от вас требуется. Слушайте меня внимательно…

В четверг двое неизвестных напали на кучера Венсана Леваллуа в темном переулке. По-видимому, с целью ограбления. Кучер был сильно избит, и к тому же ему сломали руку. Беднягу пришлось поместить в больницу.

В пятницу лакей Шевалье получил телеграмму, что его мать неожиданно заболела и находится при смерти. Само собою, лакей отпросился у своего господина и тотчас помчался в Ла-Рошель.

«Все идет, как надо, – думала Амалия ранним утром в субботу, облачаясь в одежду мастерового – холщовые штаны и голубую блузу. – Лакей в Ла-Рошели, кучер в больнице, садовник по субботам не приходит, повара тоже не будет. Граф отправится на скачки, стало быть, дом окажется пуст. – Тут Амалия скривилась, как от зубной боли. – Черт возьми, а Скарамуш! Я же совсем забыла про собаку! Ну, тут уж ничего не поделаешь… – Амалия вытащила из стола

револьвер и проверила, заряжен ли он. – Придется пристрелить беднягу, а жаль. Но я не могу позволить себе неудачи! Если собака будет вести себя тихо, я ее не трону».

Успокоив себя этим рассуждением, она взяла холщовую сумку, в которой лежали динамит и прочие приспособления, надвинула пониже на лицо простенькое кепи и, шаркая ногами – имитируя походку рабочего, покинула особняк через черный ход.

Погода была изумительной, и бульвары бурлили веселой, фланирующей туда-сюда, оживленной толпой. «Интересно, действительно ли только в Париже воздух словно сияет, или это мне лишь кажется? – думала Амалия, пробираясь сквозь толпу и зорко следя за тем, чтобы никто не покусился на ее драгоценную сумку. – Господи, только бы все закончилось хорошо!»

Через двадцать минут она уже была на рю де Гренель. Улучив момент, Амалия перемахнула через решетчатую ограду и приземлилась в саду, окружавшем особняк графа де Монталамбера. Слава богу, ее никто не видел… Ну а теперь – в дом!

Вспомнив план, Амалия легко нашла дверь черного хода. Та оказалась незаперта – иначе жене родовитого барона Корфа пришлось бы разбивать стекло и лезть через окно, как самой настоящей грабительнице. Однако тут Амалии пришла в голову неожиданная мысль: «Все-таки очень странно, что дверь незаперта… Уж не догадался ли этот месье граф, что нападение на его кучера и отъезд лакея организованы мной? Может быть, он решил расставить мне ловушку?»

Ни мгновения не колеблясь, Амалия достала из-под блузы револьвер. Но пока все было тихо. На цыпочках она миновала кухню и комнаты прислуги, после чего, руководствуясь выученным наизусть планом, стала подниматься по лестнице, и на нижних ее ступеньках внезапно различила странный, тонкий, хватающий за душу звук. Амалия замерла на месте.

«Черт возьми, Скарамуш! Все-таки учуял меня…»

Да, она услышала вой собаки. Взведя курок, Амалия бегом поднялась по лестнице, миновала небольшой коридор и, осторожно нажав на ручку, приотворила дверь, за которой должна была располагаться спальня. Вой

доносился именно оттуда.

Коротко выдохнув, Амалия распахнула дверь и вошла в комнату. Сердце молотом стучало у нее в висках. Конечно, господин граф очень умно сделал, посадив собаку сторожить сейф, но… И тут Амалия увидела нечто, отчего кровь застыла у нее в жилах.

На полу спальни, на роскошном персидском ковре с ворсом вершковой толщины, лежал граф де Монталамбер, и кровь струей хлестала из его простреленной шеи. Большая белая собака находилась тут же и, жалобно скуля, металась вокруг своего хозяина. Когда дверь распахнулась, Скарамуш бросился к Амалии, но, не добежав до нее, вернулся к убитому и закружил возле тела. Белые лапы собаки были все в крови, в больших черных глазах стояли слезы. Пес поглядел на Амалию и жалобно не то завыл, не то застонал – совсем как раздавленный горем человек.

– Тихо, Скарамуш, тихо, – прошептала Амалия, убирая револьвер. – Ах, проклятье!

Кровь была повсюду – на ковре, на кровати, даже на картинах, которые висели на стенах. Закусив губу, Амалия склонилась над графом и осторожно взяла его запястье. Она знала, что пульса не будет, что при таких ранах человек живет каких-то несколько минут, даже секунд. И едва не закричала во весь голос от ужаса, когда рука Монталамбера неожиданно задрожала в ее руке, и граф приоткрыл глаза. Они были мутные – поволока смерти уже затягивала их, и все же Амалия, ни на что не надеясь, проговорила:

– Граф, это я, баронесса Корф. Что здесь случилось? Кто вас убил?

Губы Монталамбера дрогнули. Амалия покрепче сжала его руку.

– Прошу вас, скажите мне! Кто здесь был?

На какое-то мгновение голубые глаза графа прояснились.

– Это она… – прошептал он.

– Кто? – пролепетала пораженная Амалия.

Но взор Монталамбера уже замер, нижняя челюсть безвольно отвисла. Он был мертв.

Глава 5

Некоторое время в голове Амалии стоял полный хаос. Боже мой! Так хорошо подготовиться, устранить из дома всех лишних людей, все предусмотреть, обо всем позаботиться, продумать все мелочи – и в итоге получить на свою голову труп шантажиста, явное убийство, а в будущем – возможность таких неприятностей, о которых даже думать не хотелось.

Скарамуш снова жалобно завыл, и этот звук вернул Амалию к действительности. Надо немедленно что-то делать, но только что?

«Надо делать ноги», – лаконично шепнул голос здравого смысла.

Но письма, письма царя, от которых зависит столь многое! Нет, прежде всего надо во что бы то ни стало добыть их!

Амалия поднялась на ноги и подобрала свою сумку. На долю секунды в глазах у молодой женщины потемнело, но все же она сумела превозмочь себя и стала рассматривать картины на стенах.

Их было всего две: портрет надменного господина с большими бакенбардами и портрет женщины в голубом платье. Приблизившись, Амалия различила в правом нижнем углу второго портрета надпись: «1839».

Немного воспрянув духом, она стала ощупывать портрет, прикидывая, как отодвинуть его от стены, чтобы стал виден сейф. Скарамуш, не обращая на Амалию никакого внимания, подполз на брюхе к хозяину и улегся с ним рядом, тихо поскуливая, как смертельно раненное животное.

Должно быть, Амалия, водя пальцами по раме, нажала на потайную пружину, потому что портрет внезапно мягко откинулся в сторону. Под ним и в самом деле обнаружился сверкающий стальной сейф. Подергав дверцу, Амалия убедилась в том, что та заперта.

Так, а теперь что?

План предусматривал принудительное открывание заветного сейфа динамитом, но, учитывая сложившуюся ситуацию, лучше было все-таки не поднимать лишнего шума. И Амалия решилась. Мягко ступая по ковру, она подошла к Монталамберу и стала осматривать одежду мертвеца. Скарамуш, увидев, что она делает, поднял было голову, но тут же вновь безучастно опустил ее на лапы.

Во внутреннем кармане графского жилета Амалии наконец удалось обнаружить небольшой стальной ключик. Судя по всему, это был именно тот, о котором ей говорил агент. Вставив ключ в скважину сейфового замка, Амалия мягко повернула его и услышала едва различимый щелчок. Теперь оставалось только набрать код.

«Восемь цифр, восемь цифр… – металось в ее голове. – Не так-то легко обычному человеку их запомнить, даже если дело касается сейфа, от целостности которого зависят его благополучие и процветание. Так что же это могут быть за цифры? Какая-нибудь дата? Ну да… две цифры числа, две цифры месяца, и четыре цифры года, в итоге как раз восемь… – Тут ее осенило: – Может быть, это был день рождения Монталамбера? Черт возьми, а когда же он родился? Год 1825-й, но число и месяц… Черт бы побрал этого Петра Петровича, ну что ему стоило сказать мне такой пустяк?!»

Она наугад попробовала несколько комбинаций, но сейф не открывался. Поневоле Амалия начала злиться.

«И вовсе не обязательно это должен быть день его рождения, слишком уж просто… Возможна любая другая дата… Если это вообще была дата, конечно. День рождения матери, к примеру…»

Амалия покосилась на портрет, с которого на нее равнодушно взирала дама с розой возле корсажа. И тут баронессу словно что-то кольнуло… какое-то предчувствие… Словно решение находилось близко, так близко, что стоит

только руку протянуть. Нагнувшись, Амалия снова посмотрела в правый нижний угол картины, на дату написания портрета: «1839».

Да нет, вздор, тут только четыре цифры.

«Но на противоположной стене висит еще один портрет!» – напомнил голос здравого смысла.

«На нем может не оказаться никаких цифр», – засомневалась Амалия.

Однако на портрете старшего графа де Монталамбера цифры все-таки имелись – едва различимая дата в самом верху полотна – 1820.

«Ну что ж, попробуем набрать 1839 и за тем 1820», – решила Амалия.

Она покрутила диск и с замиранием сердца налегла на дверцу. Сейф был по-прежнему заперт.

«Ну что, баронесса, – невесело сказала себе самой Амалия, – похоже, придется все-таки использовать динамит». Однако у нее оставалась еще одна возможность. Она набрала те же даты, только сначала – ту, что стояла на портрете отца, а потом – написанную на портрете матери.

18201839...

Щелк!

Дверца сейфа подалась. Не чуя под собой ног от радости, Амалия распахнула ее и приготовилась вытащить оттуда шкатулку, от которой зависела вся ее дальнейшая судьба.

Увы, баронессу Корф ждало разочарование. Сейф был пуст.

* * *

В те несколько минут, что последовали непосредственно за этим прискорбным открытием, Амалия вспомнила примерно половину всех известных ей ругательств. А так как она знала полдюжины языков – польский, французский, английский, немецкий, итальянский и, конечно же, русский, – то и ругательств у нее набралось более чем достаточно.

Помянув недобрыми словами Монталамбера, изготовителей сейфа, Петра Петровича Багратионова, свою судьбу и пронырливую мадемуазель Перпиньон, Амалия решила, что теперь можно и передохнуть, и почти без сил повалилась в кресло.

«Ну что ж, баронесса, этого ведь и следовало ожидать! – сменила она адресат упреков, взявшись теперь ругать себя. – Пока вы прикидывали да собирали сведения, кто-то более нетерпеливый, чем вы, явился в дом к графу, убил его, открыл сейф, забрал письма, которые стоят целое состояние, и преспокойно удалился. Хотя остается еще вероятность… совсем маленькая, правда… что наш агент ошибся и что Монталамбер держал в сейфе вовсе не шкатулку, а еще какие-то бумаги, и убийца пришел именно за ними. Чем черт не шутит – вдруг шкатулка до сих пор преспокойно лежит в каком-нибудь запертом столе?»

И Амалия, сорвавшись с места, поспешила в соседнюю гостиную.

Она пересмотрела все в ящиках стоящих там бюро и комодов, но не нашла ничего, интереснее пинцета для выщипывания волосков. Судя по всему, покойный весьма тщательно следил за своей внешностью.

Из гостиной Амалия проследовала в кабинет, потом во вторую гостиную. Она обшарила весь второй этаж, но резной шкатулки с монограммой «А» нигде не оказалось, как не оказалось и никаких следов писем императора.

– Влипла, – тяжелым голосом констатировала Амалия, возвращаясь в спальню.

В самом деле: писем нет, более того – совершенно ясно, что они попали в чужие руки. Монталамбер убит, и если, не дай бог, лакей Венсан сейчас вдруг войдет в дом, вернувшись из Ла-Рошели раньше времени, то вполне может обнаружить ее, Амалию Корф, возле еще не остывшего тела графа, после чего ее обвинят в убийстве. А за убийство во Франции, господа хорошие, полагается не что иное, как гильотина. Пора убираться отсюда! Письма исчезли, стало быть, нет больше

никакого смысла оставаться в этом доме, который с каждым мгновением все сильнее становился похожим на склеп.

Амалия вернулась в спальню и, скользя по липкому от крови ковру, взяла свою сумку. Тут ее взгляд упал на сейф, и, поразмыслив, она решила, что лучше всего будет запереть его. Пусть полицейские решат, что имело место простое убийство. Пока они отыщут сейф, пока сумеют открыть его, пока разберутся, что именно в нем хранилось, она, Амалия, получит время на размышления. И, может быть, если ей очень-очень повезет, она все-таки отыщет письма императора и вернет их в Россию.

Амалия вытащила ключ из скважины и приготовилась захлопнуть дверцу, когда внезапно заметила, что в самой глубине сейфа что-то лежит. Это «что-то» было так ничтожно мало, что вначале она даже не обратила на него внимания. Не веря своим глазам, Амалия осторожно протянула руку и взяла предмет, которому в сейфе было абсолютно нечего делать.

Это был голубой цветок с пятью лепестками.

* * *

Сначала Амалия слегка опешила, но, так как была особой рационального склада, она задумалась, как же цветок мог попасть в несгораемый шкаф. Только два человека имели доступ к сейфу – граф Андре де Монталамбер и вор, укравший шкатулку. Однако цветок был совсем свежий и, по правде говоря, вовсе не походил на те роскошные бутоньерки, которыми любила себя украшать парижская знать. Амалия даже не сразу вспомнила его название. Она поднесла цветок поближе к глазам, покрутила его в пальцах, и только тогда к ней вернулось давно забытое название. Ну конечно же, это барвинок!

«Значит, вор любит барвинки, – решила изрядно приободрившаяся Амалия. – Это уже кое-что».

Она осмотрела сейф, убедилась, что больше в нем ничего нет, и захлопнула дверцу, после чего вернула картину на место. Скарамуш мрачно посмотрел на Амалию, когда она положила ключ от сейфа обратно в жилетный карман покойного, но с места не тронулся. Почти бегом Амалия спустилась но лестнице

и вышла из дома через черный ход. Оказавшись снаружи, она наконец вздохнула с нескрываемым облегчением.

«Ну что ж, пора домой. – Она посмотрела на цветок, который держала в левой руке. – Стало быть, теперь мы будем искать вора, который таскает с собой барвинки».

Амалия сунула цветок в карман и, поправив сумку с динамитом, стала перелезать через ограду.

Глава 6

– Это просто ужасно! – стонал граф Шереметев, театрально воздевая вверх руки. – Что же вы наделали, баронесса! Ах, что теперь будет!

– Ваше сиятельство не верит мне? – ледяным тоном осведомилась Амалия. – Я же вам сказала: когда я пришла, этот человек был уже мертв!

Но посол, казалось, вовсе не слушал ее.

– Как вы могли, баронесса! Мы доверились вам, а вы… втянули нас в такую историю! Это дело… оно теперь на всех первых полосах! Оттеснило даже предстоящую дуэль депутата бонапартистов и депутата республиканцев! Ах, Амалия Константиновна, как же вы нас подвели!

Амалия вновь терпеливо повторила свой рассказ. Она никого не убивала, как раз наоборот – она сделала все, чтобы избежать кровопролития. Все нежелательные свидетели ее проникновения в дом были заблаговременно удалены из него, и кто же мог подумать, что дело так обернется. Ей не в чем себя упрекнуть.

– Это с какой стороны посмотреть, сударыня, – сварливо заметил граф. – Ведь письма государя пропали, верно? Стало быть, прискорбная огласка неизбежна, а значит… значит… – Он в волнении сделал несколько шагов по комнате. – Я должен отписать обо всем его императорскому величеству! То, что произошло, просто нелепо… невероятно… чудовищно…

Поскольку Амалии уже порядком надоело слушать бессодержательные вопли Шереметева, она попросила разрешения удалиться и получила его. Но оборот, который приняло пустячное, в общем-то, дело, тревожил ее едва ли не больше, чем почтенного графа, и на первом же перекрестке она купила у мальчишки-газетчика сразу три разных выпуска, в которых говорилось о недавнем сенсационном убийстве.

Надо сказать, что отчеты разительно отличались друг от друга. Газета роялистского направления сдержанно скорбела о гибели знатного аристократа, который, без сомнения, был одним из столпов общества. Статья в нахальной республиканской газете сообщала о трагическом событии таким тоном, который не оставлял сомнений в том, что по меньшей мере три четверти знакомых покойного Андре де Монталамбера давно уже мечтали увидеть его в куда более прекрасном мире, чем этот, просто у них как-то не доходили руки, чтобы поспособствовать «переселению» графа. Однако самой интересной оказалась статья в газете бонапартистской. Ее автор не скорбел и не ехидничал, а просто отправился прямиком на место преступления и опросил полицейских и тех, кто жил поблизости. Оказалось, что убийцу видели. Маленький племянник привратника соседнего дома на улице Гренель вспомнил, что когда он лазил по чердаку, из особняка графа показался посторонний человек. Это был мастеровой в холщовых штанах и синей блузе, который тащил с собой довольно объемистую сумку. С непостижимой ловкостью он перемахнул через ограду и был таков. Вне всяких сомнений, именно этот человек и укокошил почтенного графа де Монталамбера.

Прочитав статью, Амалия невольно похолодела и поспешила в особняк Лопухиной. Одежду и обувь, в которой она была вчера, Амалия по возвращении позаботилась сразу же сжечь, но вот про сумку забыла. Поднявшись по ступенькам к себе, Амалия собственноручно разожгла в камине жаркое пламя и швырнула пустую сумку в огонь. Что же до динамита, то он вернулся на свое прежнее место среди платков и шарфиков.

Убедившись, что уничтожила все улики и что теперь никто не сможет связать ее с убийством на улице Гренель, Амалия задумалась о человеке, который обронил в сейфе барвинок.

«Когда Шереметев вновь обретет способность здраво размышлять, – решила она, – следует рассказать ему о моей находке. Надо будет послать агентов

навести справки – через полицию или через каких-нибудь осведомителей в преступном мире, – кто из воров любит эти цветы».

Графа де Монталамбера похоронили на следующий день. На торжественней панихиде собралась почти вся парижская знать, и некоторые даже плакали. Хотя, как утверждала позже все та же республиканская газета, от радости.

Амалия явилась к графу Шереметеву, чтобы совместно выработать план дальнейших действий, но графа не оказалось на месте. То же самое повторилось и на следующий день, и на послеследующий, и Амалии стало ясно, что граф просто не хочет ее видеть.

Сильно раздосадованная, она шла по бульвару и, скорее по привычке кликнув газетчика, взяла у него свежий номер. Присев на скамью, Амалия внимательно просмотрела газету. Как и следовало ожидать, о графе де Монталамбере уже забыли, и на первой полосе красовалось сообщение о дуэли между депутатами враждующих фракций. Приверженец Бонапартов оцарапал защитнику республики ляжку, а тот в ответ задел плечо противника. Только на шестой странице Амалии удалось отыскать сообщение, имеющее отношение к убитому шантажисту. Сторожа кладбища Пер-Лашез сообщали, что собака покойного не хочет уходить с его могилы, и спрашивали, что им делать. Когда Амалия прочитала эти строки, у нее сжалось сердце.

Вот оно, значит, как… Люди плакали от радости, и из всех живых существ только Скарамуш остался предан графу до конца и даже дольше.

Амалия сложила газету. Ее глаза потемнели, из золотисто-карих став почти ореховыми. «Бедный Скарамуш! Что же с ним теперь будет?»

Поднявшись со скамьи, Амалия двинулась вперед. Несколько раз она сворачивала и кружила, но наконец оказалась возле ограды Пер-Лашез, самого знаменитого кладбища в Париже. У первого же сторожа, попавшегося ей навстречу, она спросила, как отыскать могилу графа.

– Ничего нет проще, мадам… Граф де Монталамбер похоронен в семейном склепе. Идите вот по этой дорожке, потом прямо и возле черного обелиска сверните направо. Через несколько шагов вы и увидите его склеп.

Амалия поблагодарила сторожа, вручила ему мелкую монетку и зашагала между рядов ухоженных могил туда, где обрел свой последний покой граф де Монталамбер.

Возле потемневшего от времени склепа она сразу же увидела собаку. Скарамуш лежал на земле, положив голову на вытянутые лапы. Его белая шерсть свалялась и висела клочьями, бока тяжело раздувались. В глазах застыло страдальческое, отрешенное выражение.

– Скарамуш! – тихонько позвала пса Амалия, подходя ближе.

Тот едва взглянул на нее и отвернулся. Поколебавшись, Амалия погладила его по голове, но Скарамуш даже не шелохнулся.

– Послушай, – понизив голос, доверительно проговорила Амалия, – я все понимаю. Он был твоим другом, Скарамуш. Единственным другом. – Веки пса шевельнулись. Он снова взглянул на Амалию, впрочем, без особого интереса. – И вот пришел злой человек и убил его. – Хвост Скарамуша слегка дернулся. – Ты не сумел его защитить и теперь мучаешься из-за этого. Поэтому ты и решил уморить себя на его могиле. – Скарамуш, не отрываясь, глядел на Амалию. – Но ведь так нельзя, Скарамуш! Мы с тобой должны найти того, кто убил твоего хозяина. Мы должны найти его… и наказать. Разве ты не хочешь, чтобы убийца графа получил по заслугам? А без тебя я никак не смогу отыскать того, кто это сделал. Ты должен мне помочь, Скарамуш!

И Амалия снова погладила пса по голове. Но Скарамуш, казалось, даже не замечал ее и с безнадежным видом уставился в пространство перед собой.

– Я не справлюсь с этим одна, Скарамуш, – тихо сказала Амалия. – Мне нужна твоя помощь. Очень нужна!

Однако Скарамуш никак не реагировал на ее слова, и поневоле Амалия разозлилась на себя: «Что за глупости, в самом деле… Говорить с собакой, пытаться вразумить ее… Просто смешно!»

Она не видела, что в нескольких шагах от нее между обелисками и склепами притаился человек. И этот человек очень внимательно слушал все то, что она говорила измученной белой собаке.

– Скарамуш, – почти умоляюще попросила Амалия, – пойдем. Пойдем, а?

Скарамуш закрыл глаза и, казалось, задремал. Вздохнув, Амалия поднялась и зашагала обратно.

– Ну, как знаешь, Скарамуш, – сказала она на прощание.

Не отрываясь, незнакомец следил, как уходит Амалия. В это мгновение у него было куда больше вопросов, чем ответов на них, но он был уверен в себе и убежден, что настанет время, и он узнает все.

Слегка замедлив шаг, Амалия обернулась. Уже несколько мгновений ее не покидало чувство, что кто-то следит за ней. Краем глаза она заметила тень, метнувшуюся за обелиски, но тут в ее ладонь ткнулся чей-то влажный нос, и она забыла обо всем на свете. Стоя возле нее, Скарамуш робко поглядывал на Амалию, виляя большим хвостом.

– Ах ты мой умница… – растроганно сказала она. – Ну, идем, Скарамуш!

Притаившийся за обелисками незнакомец пристально наблюдал, как уходят молодая женщина и собака. Когда они исчезли из вида, он потер подбородок, сказал сам себе: «Ну что ж», – и тоже двинулся к выходу с кладбища.

* * *

Амалия привела собаку в особняк, накормила ее, выкупала и расчесала шерсть. Теперь Скарамуш выглядел совсем так же, как прежде, если не считать того, что характер его полностью переменился. Он замкнулся в себе, не отзывался на ласку и большую часть времени безучастно лежал на ковре, глядя прямо перед собой.

Вечером Амалию навестил Иннокентий Добраницкий.

– Я пришел к вам по просьбе его сиятельства, – словно извиняясь, промолвил он.

– Так его сиятельство все-таки нашел для меня время? – воскликнула Амалия. – Надо же, как это мило! А то, когда я сегодня наведалась в посольство, он велел мне передать, что не может меня принять. То же самое было вчера и третьего дня…

Добраницкий покраснел, побледнел, стал уверять баронессу, что, должно быть, произошла какая-то ошибка и что ни один человек во всем белом свете не ценит Амалию так высоко, как его сиятельство… Вдоволь натешившись этим спектаклем, Амалия все же прервала его:

– И все-таки, зачем же вы сюда пришли?

Тут Добраницкий съежился, сделался даже как-то меньше ростом и промямлил, что его сиятельство… выражает обеспокоенность… просит… умоляет… настаивает… Одним словом, он приказывает баронессе Корф немедленно покинуть Францию.

– И чем же я провинилась перед его сиятельством? – осведомилась Амалия, хотя отлично знала ответ.

Добраницкий сделался еще меньше ростом и едва различимым шепотом дал понять, что дело Монталамбера… очень взволновало его сиятельство… и во избежание скандала, который мог бы иметь весьма и весьма печальные последствия…

– Простите, – невинным голоском поинтересовалась Амалия, – а кто такой, собственно, этот Монталамбер?

Добраницкий вытаращился на нее.

– Я совершенно не понимаю, чего от меня хочет его сиятельство, – продолжила Амалия. – Я не являюсь представителем дипломатического корпуса Российской империи, мой паспорт в полном порядке, и вообще, я путешествую исключительно по собственному желанию. Никто не имеет права указывать мне, что я должна делать. Так и передайте его сиятельству.

Казалось, еще немного и Добраницкий станет ростом с грецкий орех, если не меньше.

– Но ведь ваша миссия, баронесса… Все потеряно, письма пропали, и вдобавок это ужасное убийство…

– Я признаю, что ситуация сложная, – согласилась Амалия, поглаживая собаку. – Но напомните его сиятельству, что мне довелось побывать и в еще более сложных передрягах, и всякий раз я выбиралась из них без ущерба для дела. – Увидев, что Добраницкий колеблется, она решила пустить в ход тяжелую артиллерию: – И вообще, если его императорское величество доверяет мне, то я не вижу повода, почему бы и графу Шереметеву не доверять мне.

– Однако письма… – попробовал возразить чиновник.

– Я их верну, – железным голосом заявила Амалия, и в ее глазах полыхнули золотые искры, на какую-то долю мгновения совершенно ослепившие бедного Добраницкого.

– Как? – робко спросил он.

Амалия хотела совершенно честно ответить: «Понятия не имею», но поглядела на обескураженное лицо своего собеседника и немного смягчилась.

– Я знаю, как, – ответила она. – Положитесь на меня.

– Понятно. – По правде говоря, Добраницкий решительно ничего не понимал, но не хотел ронять лицо перед этой красивой, загадочной и, как он только что понял, зловещей особой. Ведь наверняка именно она прикончила графа, хоть и упорно не желает в том сознаваться. – Это ведь собака господина де Монталамбера?

Пес вздрогнул, услышав имя своего хозяина.

– Вы правы, – ответила Амалия.

– Думаете, она сможет вывести вас на след? – с надеждой предположил чиновник.

– Весьма возможно, – уклончиво отвечала Амалия.

– Я надеюсь, вы понимаете, на какой риск идете, – пробормотал Добраницкий. – Я… я передам его сиятельству ваши слова. Честь имею кланяться, госпожа баронесса.

Амалия проводила посетителя до порога и, захлопнув за ним дверь, заперла ее на два оборота, словно хотела поскорее отгородиться от незадачливого чиновника.

«Слизняк! Боже мой, какие же они все слизняки! И, как назло, ни одного человека рядом, на которого я могла бы положиться. Если бы со мной был хотя бы Билли Мэллоун… Но об этом нечего и думать».

Она стала размышлять, как бы ей найти любителя барвинков, но ей ничего не приходило в голову. Придется завтра утром снова просить, чтобы Шереметев принял ее. Надо все-таки навести справки, а без его помощи это невозможно.

Амалия немного почитала, пока глаза у нее не начали слипаться, и решила, что пора спать.

Посреди ночи ее разбудил Скарамуш. Он метался по комнате, не находя себе покоя. Сев в постели, Амалия прислушалась и различила внизу подозрительный шум. «Вот щучья холера! – мысленно выругалась она. – Я ведь одна в доме!»

Шепотом велев Скарамушу молчать, она поднялась и на цыпочках вышла из спальни. Острый взор Амалии сразу же отметил, что в малой гостиной горит свет, хотя она совершенно точно помнила, что, уходя спать, потушила все лампы. Стараясь ступать как можно тише, Амалия скользнула к двери.

Посреди комнаты стоял посторонний человек. Это был худой долговязый парень с лицом плута, голубыми глазами и кудрявыми темными волосами. Улыбаясь во весь рот, он вертел в руках медальон Амалии – тот самый, в котором она хранила миниатюрный портрет сына. Одного этого было более чем достаточно, чтобы

наша героиня моментально пришла в ярость.

Пользуясь тем, что незнакомец – судя по всему, мелкий воришка – повернулся к ней спиной, Амалия быстро прокралась в комнату и, сняв с комода увесистую фарфоровую вазу, спрятала ее за спиной. Она успела проделать это как раз вовремя, потому что воришка неожиданно обернулся. Увидев очаровательную блондинку в ночной рубашке, он оторопел.

– Здравствуйте, сударь, – произнесла Амалия первое, что пришло ей в голову.

– А… э… – пробормотал застигнутый врасплох незваный гость. – Здравствуйте, сударыня.

И в следующее мгновение Амалия изо всех сил ударила его вазой по голове.

Осколки вазы брызнули в разные стороны. Взор воришки обессмыслился. Кудрявый парень тихо застонал и повалился на ковер. Что же до Амалии, то она вскинула голову и решительно отбросила с лица мешающую ей прядь волос.

– Скарамуш! – крикнула она. Пес уже стоял в дверях, озадаченно глядя на все происходящее. – Иди сюда, дружочек. Последи-ка за этим месье, чтобы он не вздумал бежать. – В глазах Амалии плясали золотые искры, ноздри ее раздувались. – Ты знаешь, у меня появилась одна идея. Теперь я совершенно точно знаю, кто сумеет нам помочь!

Часть II

Жил-был полицейский

Глава 1

Франсуа открыл глаза.

Сначала он не увидел ничего, кроме каких-то светлых и темных пятен. Голова болела невыносимо, руки и ноги были словно ватные. Тихо застонав, Франсуа снова смежил веки, подумал: «Господи боже мой, и где же это меня угораздило так напиться?»

Вновь открыв глаза, он констатировал, что пятна начали складываться во что-то более осмысленное. Светлое – это, конечно, потолок с лепниной, а темное – висящий на стене роскошный гобелен с собаками, оленями и всадниками, изображающий охоту одного из французских королей.

«Неужели я напился в каком-то замке? – в смятении подумал Франсуа. – Но как я вообще в него попал?»

Он сделал попытку пошевелиться, но тут у него так ужасно зашумело в голове, что пришлось тотчас же отказаться от этой мысли.

«Интересно, сколько стоит этот гобелен? Если его снять со стены да загнать старику Перье по сходной цене…»

Франсуа уловил чье-то тяжелое дыхание и, с немалым трудом повернувшись на своем узком ложе, обнаружил, что большая белая собака сошла с гобелена и теперь сидит возле него. Вор сморгнул, но собака никуда не исчезла, она по-прежнему была здесь и сурово смотрела на него. Франсуа заискивающе улыбнулся.

– Хороший песик… – сказал он и протянул руку, чтобы погладить животное по голове. Не то чтобы Франсуа любил собак – просто он считал, что с некоторыми зверями лучше сразу же подружиться, чтобы не пришлось сожалеть впоследствии.

– Не трогайте собаку! – произнес резковатый женский голос откуда-то сверху.

Франсуа похолодел. Голос был ледяной. Даже хуже того – он был неприятный, металлический и режущий слух. Так могла говорить какая-нибудь особа, давно распрощавшаяся с первой и даже со второй молодостью, во время которых она успела разочароваться во всем мире. Тем сильнее было изумление Франсуа, когда, повернув голову, он встретился взглядом с прехорошенькой юной особой

с белокурыми волосами, распущенными по плечам. Едва вор заметил ее, как у него чудодейственным образом почти перестала болеть голова.

– Простите, – прошептал он, про себя мучительно прикидывая, что с ним все-таки произошло и отчего он лежит на узком кожаном диване, вовсе не предназначенном для того, чтобы служить кроватью. Этот дом… где он находится? И главное, кто она такая, черт возьми, женщина с глазами цвета шампанского, в которых пляшут задорные искорки?

И тут Франсуа вспомнил. Возможно, что искорки в глазах вызвали у него мгновенную ассоциацию с теми искрами, что посыпались из его собственных глаз, когда он, удирая от преследователей, проник в пустой, казалось бы, особняк и нарвался на красавицу, которая, нимало не обинуясь, угостила его по голове чем-то тяжелым. При одной мысли об этом Франсуа почувствовал дурноту. А тут еще белокурая метательница ваз ангельским голосом осведомилась у него:

– Как вы себя чувствуете, сударь?

– Хорошо, – пролепетал вконец измученный Франсуа. – Только вот копилка[3 - Tirelire – копилка; на французском арго – голова.]… ох! – Он дотронулся до головы и поморщился.

– Только… что? – удивленно переспросила его юная дама.

– Копилка… в смысле тыква… – пояснил Франсуа, еле ворочая языком. – То есть, простите, голова.

Он облизнул кончиком языка губы. В его копилке вертелась лишь одна мысль: надо бежать! Неважно куда, главное – поскорее оказаться как можно дальше от этого дома, ставшего ловушкой, и от его хозяйки, которая, стоя возле стола, рассматривала какие-то разложенные на нем предметы. Если бы она была одна, Франсуа не мешкая попытался бы удрать, но собака! Присутствие собаки все меняло.

– Может быть, вы все-таки представитесь? – спросила незнакомка. – Как вас зовут?

– Франсуа. – Вор сделал попытку улыбнуться.

– Прекрасно, Франсуа. А я – Амалия.

Сейчас она вызовет полицию, с тоской прикинул Франсуа. Резким движением он попытался сесть, но тут в его голове словно загудели колокола всех церквей мира, и вор, тихо застонав, осел обратно на диван.

– Ну, раз уж мы с вами познакомились, Франсуа, – непринужденным светским тоном промолвила Амалия, – может быть, вы соизволите мне объяснить, что вы делаете в моем доме?

В ее словах вору почудилась надежда, и он немедля решил использовать представившуюся ему возможность.

– Видите ли, мадемуазель…

– Мадам, – сухо поправила его Амалия.

– Видите ли, мадам… – Франсуа кашлянул в кулак. – Я живу тут неподалеку, и как раз сегодня мы пировали с друзьями… отмечали день рождения, знаете… Кажется, я… гм… немного переоценил свои возможности и на обратном пути заблудился. Я вовсе не хотел тревожить вас, – совершенно искренне добавил Франсуа.

Амалия вздохнула:

– Значит, вы заблудились?

– Совершенно верно, мадам.

Карие глаза насмешливо сверкнули.

– С драгоценностями герцогини де Лотреамон? – И с этими словами Амалия подняла со стола сверкающее ожерелье, украшенное восхитительными огромными топазами.

Франсуа открыл рот. Чувствовал он себя в это мгновение преомерзительно, как, впрочем, и всякий человек, которому выпадет несчастье попасться, что называется, с поличным.

– Уверяю вас, вы ошибаетесь, – пробормотал он, сам отлично понимая, что жалкие слова его не спасут.

– Не думаю, – вежливо ответила Амалия. – Я видела ожерелье на ней на балу в ее доме. Это именно оно. – И она с любовью поглядела на голубые мерцающие камни, обрамленные более мелкими бриллиантами. – Так что вы, месье, обыкновенный вор, – закончила она, оборачиваясь к Франсуа.

Такого он уже не мог стерпеть. Вся кровь вскипела у него в жилах.

– Ну, если я вор, мадам, – заговорил он, сверкая глазами, – то чего вы ждете? Зовите людей, зовите полицию!

Амалия положила ожерелье на стол, на котором красовалось примерно с три дюжины брошек, серег, колец и ожерелий, совсем недавно принадлежавших герцогине, и грациозно опустилась в кресло.

– Можно подумать, вы ждете не дождетесь, когда наконец попадете в тюрьму, – насмешливо уронила она. – К чему такая спешка, месье?

«И в самом деле, – подумал Франсуа, – к чему?»

– По правде говоря, – признался вор, – у меня нет ни малейшего желания оказаться за решеткой. Может быть, мы с вами сможем как-нибудь договориться?

– Может быть, – задумчиво уронила красавица.

Франсуа немного приободрился.

– Если бы вы отпустили меня… – нерешительно начал он. Амалия метнула в него быстрый взгляд. – Я мог бы поделиться с вами… – Он кивнул на стол, который в эти мгновения больше напоминал витрину какого-нибудь ювелирного магазина.

– Большое спасибо за предложение, месье Франсуа, – отозвалась его собеседница, улыбаясь каким-то своим тайным мыслям, – но если бы мне были нужны эти безделушки, я бы с легкой душой прикончила вас и забрала бы все себе.

Это был совершенно неожиданный поворот в разговоре!

– Да? – пробормотал Франсуа, глядя на нее во все глаза.

– Именно, – подтвердила Амалия. – Вам повезло, что драгоценности меня не интересуют.

Франсуа терялся все больше и больше. «Черт возьми, кто же она вообще такая?» – думал он.

– Значит, вы не отпустите меня? – спросил он вслух. Амалия не отвечала. – Мадам, умоляю вас! – Все-таки ему удалось сесть, и белый пес настороженно подался вперед. – Я… я бедный человек, мадам!

– Тем хуже для вас, – отвечала жестокосердная красавица.

– О мадам! – Франсуа молитвенно сложил руки. – Мой отец болен, он умирает! А мои дети…

– Сколько же их у вас? – поинтересовалась Амалия, покачивая носком туфельки.

– Пять, – вдохновенно солгал Франсуа.

– А почему не шесть?

– А… э… шестой на подходе, – тотчас же нашелся вор. – Мадам, вы же не допустите, чтобы бедные сироты остались без отца?

– Сироты? – задумчиво переспросила Амалия. – У них же, кажется, есть мать.

– Только у одного, – с жаром возразил Франсуа. – А у остальных…

– Остальные – это сколько? – прищурилась Амалия.

– Трое. Нет, четверо!

– Похоже, вы даже не знаете, сколько у вас детей, – ехидно заметила Амалия. – С прискорбием вынуждена констатировать, месье, что вы крайне безнравственны. Пожалуй, придется все-таки отправить вас в тюрьму. Пусть ваши жены и дети, сколько бы их там ни было, хоть немного от вас отдохнут.

Франсуа исподлобья покосился на нее.

– Вы шутите, – мрачно сказал он.

– По крайней мере, в одном я серьезна: я не собираюсь сдавать вас полиции, – ответила Амалия. И со значением уточнила: – Пока.

«Черт возьми, – подумал потрясенный Франсуа, – неужели она ко мне неравнодушна? Ну, Франсуа, вперед!»

– Вы так добры, мадам! – с чувством промолвил он. – Чтобы доказать вам мою признательность, я готов… Словом, готов на все!

И он вперил в свою собеседницу нежный взор. Скарамуш недовольно мотнул головой и чихнул.

– Это хорошо, – с тонкой улыбкой заметила Амалия, для которой все мысли и побуждения пленника были как на ладони. – Обещаю вам, что внакладе вы не останетесь.

«Ну, это уж точно!» – подумал повеселевший вор.

– Хотите получить две тысячи франков? – спросила Амалия.

– Я? – поразился Франсуа.

– В дополнение к драгоценностям герцогини де Лотреамон, разумеется, – уточнила Амалия.

Франсуа решил, что ослышался. Нет, наверное, он и в самом деле не так ее понял. Она собирается вернуть ему драгоценности и дать вдобавок деньги?

– Золотом или кружевами? – на всякий случай уточнил он.

Амалия нахмурилась.

– Кружева – это…

– Банковские ассигнации[4 - Dentelle – кружево; на французском арго – бумажные деньги.], – поспешно пояснил Франсуа.

Странная красавица пожала плечами:

– Как вам будет угодно.

Значит, она не шутит. В полном остолбенении Франсуа прошептал:

– Но за что?

– За вашу помощь, – спокойно отвечала Амалия.

Тут в голове бедного Франсуа все так перепуталось, что он даже на несколько секунд закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями.

– Погодите, – хрипло вымолвил наконец парень, – я чего-то не понял. Вы хотите предложить мне… какое-то дело?

– Да, если вы не возражаете, – вежливо отозвалась хозяйка дома.

Франсуа молча таращился на нее. Неужели она тоже воровка? Немыслимо – такая утонченная, такая красивая дама – и вдруг… Но ведь она сама только что предложила ему сотрудничество!

«Мне надо выпить, – мелькнуло у него в голове. – Немедленно!»

– Прежде всего, – продолжала Амалия, – мне хотелось бы знать, какое положение вы занимаете в вашем мире. Насколько мне известно, у воров есть своя иерархия, напоминающая ту, что царит среди обычных людей. Вы, Франсуа, кто, к примеру?

– Я? – Франсуа вздернул плечи и вытянул перед собой красивые тонкие руки. – Боюсь вас разочаровать, мадам, но я всего лишь обыкновенный отшельник.[5 - Ermite – отшельник; на французском арго – вор, действующий в одиночку.]

– А отшельник – это… – начала Амалия.

– Вор-одиночка, мадам. Я не глава банды, не бывалый и уж, конечно, не принц воров.

– Понятно, – сказала Амалия. – А бывалый – это кто?

– Человек, который много знает и многое умеет, – объяснил Франсуа. – Он может отворить любой замок зубочисткой, при случае не колеблясь прирежет человека, сидел в коллеже, э-э, в тюрьме, или был на каторге, словом, имеет богатый послужной список. Скажу сразу же: я не таков.

– А-а, – протянула Амалия. – А принц воров – это кто?

Франсуа рассмеялся.

– Ну, к принцу воров я и подавно не имею ни малейшего отношения, – заметил он. – Принц воров – это Перванш.

– Кто-кто? – вымолвила пораженная Амалия.

– Его зовут Перванш, – объяснил Франсуа охотно, – потому что он любит барвинки[6 - От французского pervenche – барвинок.]. Это его прозвище, а как его зовут, никто не знает. Люди, которые имели с ним дело, предпочитают держать язык за зубами, ну а большинство вообще не знают его в лицо. Вот все,

что я могу вам про него сказать.

Глава 2

Некоторое время Амалия молчала, собираясь с мыслями. Скарамуш, которому наскучило сторожить Франсуа, отвернулся от него, улегся на ковер, положил голову на лапы и устремил взор в пространство. За окнами стремительно светлело, и до Франсуа доносились то цокот копыт по мостовой, то позвякивание тележки молочника, то приглушенные голоса ранних прохожих. День медленно вступал в свои права.

– Расскажите мне об этом Перванше, Франсуа, – попросила Амалия.

– Но я и так уже выложил все, что знаю, – удивился вор.

– Нет, не все, – возразила Амалия. – Что он за человек? Сколько ему лет, где он живет? Как он выглядит, как…

– Где живет, ха! – фыркнул вор. – Думаете, он горит желанием рассказывать об этом каждому встречному и поперечному? Ведь полицейские дорого бы дали, чтобы его сцапать, да и среди нашего брата стукачей более чем достаточно.

– Ну хорошо, – смирилась Амалия. – А что он собой все-таки представляет?

– Он храбрый, – без колебаний заявил Франсуа, – умный, сильный и справедливый. Никого не притесняет, но и распускаться не дает.

Амалия недоверчиво смотрела на своего собеседника. Неужели даже в такой насквозь порочной среде, как воровская, превыше всего ставятся общеизвестные положительные черты, так что даже заурядный главарь преступников обретает обаяние этакого мифического героя?

– И уж, конечно, он красавец, каких поискать, – поддразнила она Франсуа.

– Ага, – подтвердил вор. – Так про него говорят.

– Верю, – улыбнулась Амалия. – А этот Перванш, он работает в одиночку, как и вы, или…

– В одиночку? – фыркнул Франсуа. – Да вы что, мадам! Он же принц, а всякому принцу положен свой двор. У него под началом достаточно людей, чтобы… чтобы делать то, что он хочет.

– А что именно он делает? – настаивала Амалия. – Грабит поезда или, может быть, банки? Как именно он вообще действует?

– Ну, вы слишком многого от меня хотите, – проворчал вор. – Думаете, я слежу за тем, чем он занимается? Ясно одно: на мелочовку он не разменивается. Его удел – крупные дела. Иногда среди воров проходит слух, что Перванш сорвал большой куш там-то или сям-то, но этим все и заканчивается.

– А откуда известно, что именно он проворачивает все эти дела? – полюбопытствовала Амалия.

– У него есть такая манера – всегда оставлять на месте преступления барвинок, – объяснил Франсуа. – Вроде как подпись, что он тут был.

Амалия медленно откинулась на спинку кресла. Значит, ее догадка оказалась верна: цветок попал в сейф не случайно. Принц воров нарочно оставил его там.

– Вот оно, значит, как… – тихо проговорила Амалия. – Ладно, Франсуа. Теперь скажите мне вот что: Перванш мог бы убить человека, если бы тот помешал ему?

Франсуа задумчиво вытянул губы.

– Хм, вообще-то я слышал, что принц воров всегда старается проворачивать свои дела без кровопролития, – сказал он. – Вроде оно ему и ни к чему. Хотя, с другой стороны… – Франсуа поколебался. – Говорят, что любым оружием он владеет отменно. Шпага там, или пистолет, или нож… А почему вас это так интересует?

– Есть причины, – ответила Амалия с улыбкой. – Я надеюсь, вы еще не забыли о моем предложении?

– Конечно, не забыл, – проворчал Франсуа, тоскующим взором косясь на стол. – Две тысячи франков и драгоценности герцогини, если я помогу вам. А что именно я должен сделать? Вы же до сих пор так и не сказали ничего конкретного.

Амалия глубоко вздохнула.

– Познакомьте меня с принцем воров, – сказала она.

Франсуа открыл рот. Вот вам, пожалуйста! Только появляется рядом с ним стоящая женщина, как она сразу же нацеливается на кого-то, кто стоит выше его. До чего же скверно устроена жизнь, в самом деле!

– То есть я должен свести вас с Перваншем? – на всякий случай уточнил он.

– Ага, – подтвердила Амалия.

– И как вы себе это представляете? – мрачно спросил Франсуа.

– Очень просто, – спокойно сказала Амалия. – Вы идете к тому, кто знает принца воров, и говорите ему, что у меня есть для Перванша предложение, которое может его заинтересовать. Пусть он назначит для встречи любое людное место, я приду, и мы поговорим. Если он опасается ловушки, может захватить с собой всех своих людей – я не против. В любом случае с моей стороны ему бояться нечего.

«Ага, держи карман шире, – тоскливо помыслил Франсуа. – Если только под рукой у тебя не окажется чего-нибудь тяжелого».

– Почему вы думаете, что принц воров вообще захочет встречаться с вами? – спросил он. – Зачем ему это?

Прежде чем ответить, Амалия сделала вид, что разглаживает складку своей ночной рубашки. А затем сказала:

– Затем, что только благодаря мне его имя не связывают с убийством графа де Монталамбера. Со стороны Перванша было очень неосмотрительно оставлять в сейфе такую улику, как цветок. Так прямо ему и передайте.

– Послушайте, – несмело начал Франсуа, – я не знаю, что у вас на уме, но если вы собираетесь прижать принца воров, я бы советовал вам хорошенько подумать. Должен сказать, что он – человек, с которым такой номер не пройдет. Вы понимаете меня?

– Не мелите чепухи, Франсуа! – оборвала пленника Амалия. – Речь идет вовсе не о том, чтобы пугать кого-то, упаси бог! Просто мне позарез нужно то, что принц воров взял из сейфа графа. – Она наклонилась вперед: – Передайте Перваншу, что за шкатулку с тринадцатью письмами я готова заплатить любые деньги. Любые, так ему и скажите.

Франсуа потер лоб. Кое-что начало проясняться. Граф Монталамбер был известным шантажистом. Наверное, блондинка по молодости написала несколько писем, которые не пришлись бы по вкусу ее супругу, вот она и переживает. Так переживает, что обратилась за помощью к первому встречному вору, абсолютно ничего о нем не зная… Да, вот теперь ее действия выглядели вполне оправданными.

– А что там, в этих письмах? – на всякий случай осведомился он.

Амалия горько улыбнулась.

– Хм, в них содержится вполне достаточно, чтобы разрушить мою жизнь, – ответила она. – Вы мне поможете, Франсуа? Просто мне совершенно не к кому обратиться, кроме вас.

Франсуа отнюдь не был глупцом, и его не так-то легко было разжалобить. Но эти простые слова отчего-то оказали на него такое сильное действие, что на миг он даже забыл о баснословных драгоценностях герцогини де Лотреамон.

– Хорошо, – оказал он. – Я… я попытаюсь.

– Значит, договорились? – Амалия встала с кресла и протянула ему руку.

Ни мгновения не колеблясь, Франсуа пожал ее пальцы – и только потом сообразил, что такую ручку надо было поцеловать, а не тискать в ладони.

– Вот и прекрасно, – сказала Амалия, отходя от него. – И помните, Франсуа: я рассчитываю на вас.

И в то же мгновение раздался громкий стук в дверь.

* * *

Это был властный, настойчивый и даже, можно сказать, бесцеремонный стук. Едва Франсуа заслышал его, как в душе вора пробудились самые нехорошие предчувствия.

– Вы никого не ждете? – спросил он у Амалии.

Молодая женщина отрицательно покачала головой.

– Тогда я, пожалуй, пойду? – поспешно спросил Франсуа.

Амалия метнула на него хмурый взгляд. Скарамуш, лежа на ковре, закрыл глаза и, казалось, задремал.

– Никто не видел, как вы входили ко мне в дом? – спросила она.

– Кажется, никто, – ответил Франсуа, но в его голосе не было ни малейшей убежденности.

Он встал с дивана, однако его качнуло, и он едва удержался на ногах. Амалия поспешно сгребла со стола драгоценности герцогини де Лотреамон и засунула их в ящик.

– В таком состоянии вы вряд ли сумеете уйти далеко, – сказала Амалия, поглядев на бледное лицо своего нового сообщника. А стук повторился с новой силой. – Знаете что, Франсуа? Идите откройте дверь.

– Но там может быть полиция! – ужаснулся вор, делая шаг назад.

– Ну и что? – хладнокровно парировала Амалия. – Нам с вами нечего опасаться. Я живу в этом доме, а вы – мой дворецкий.

Франсуа открыл рот:

– Дворецкий?

– Ну да, – пожала плечами Амалия. – Так что же вы стоите? Идите откройте дверь и ничего не бойтесь. Что бы ни случилось, я прикрою вас.

Плохо соображая, на каком он свете, Франсуа вышел из комнаты и стал медленно спускаться по лестнице, цепляясь за перила. «Перванш… сейф… граф де Монталамбер… шкатулка с письмами… В какую же историю я угодил? А, черт, еще одна ступенька! – Франсуа едва не оступился, но вовремя ухватился за поручень. – А хозяйка-то милашка, только вот зря она меня так стукнула. Хотя, с другой стороны, ее тоже можно понять…»

– Иду! – заорал он, обращаясь к двери, которая была, казалось, готова вот-вот сорваться с петель.

Стук прекратился. Франсуа отпер дверь и распахнул ее. Завидев человека, который стоял на пороге, он сразу же понял, что его худшие ожидания оправдались.

– Инспектор Анри Готье, парижская уголовная полиция, – представился неизвестный.

Ноги у Франсуа подкосились, и он поспешно схватился рукой за стену, чтобы не упасть. Молодой полицейский сразу же не понравился ему – слишком уж пристальный был у него взгляд, который словно пробуравливал бедного Франсуа насквозь.

– Очень приятно, – тем не менее пробормотал вор, вспомнив, какую роль ему следовало играть. – Я дворецкий мадам… – сообразив, что он даже не знает фамилию Амалии, он поспешно добавил: – мадам, которая живет в этом доме.

Позволительно ли будет мне осведомиться о причине вашего визита, сударь? – строго спросил он.

Франсуа был готов поклясться, что он не двигался с места, однако факт остается фактом: как-то очень умело полицейский просочился в холл, оттеснив Франсуа от двери, и притворил ее за собой.

– Да, я полагаю, что вы имеете право знать, – очень просто промолвил Анри Готье. Его светлые глаза были прикованы к лицу Франсуа, так что вору стоило больших усилий сохранить самообладание под спокойным, но таким беспощадным взглядом. – Неподалеку от вас ночью ограбили особняк герцогини де Лотреамон.

Франсуа вздыбил брови и театрально всплеснул руками.

– Какой ужас! – воскликнул он. И вкрадчиво осведомился: – Я надеюсь, вор был схвачен?

– Увы, нет, – отозвался Готье. – К сожалению, злоумышленнику удалось скрыться, хотя слуги заметили его и подняли тревогу.

– Что происходит, Франсуа? – прозвенел голос Амалии с верхних ступенек лестницы.

Завидев ее, Франсуа открыл рот, да так и не сумел закрыть его. За ту минуту или две, что он заговаривал зубы легавому у дверей, Амалия успела подобрать волосы, соорудив небрежную, но очаровательную прическу а-ля мадам Рекамье, и набросить поверх ночной рубашки нежно-розовый пеньюар, который шел ей куда больше, чем иным дамам платья от лучших парижских портных. Она стояла, держа руку на перилах, и с царственным недоумением переводила взгляд с дворецкого на полицейского и обратно.

– Это месье Анри Готье, полицейский, – объяснил Франсуа. – Кажется, кто-то ограбил герцогиню де Лотреамон.

Помедлив, Амалия двинулась вниз по ступенькам навстречу двум мужчинам.

– В самом деле? И какое отношение сей прискорбный случай имеет к нам? – холодно спросила она.

Франсуа только смог развести руками. Что же до господина Анри Готье, то следует признать: он не уронил чести французской полиции. Визитер склонился в глубоком поклоне, а когда Амалия наконец оказалась возле него, поклонился еще раз и еще ниже.

– Мадам… – начал он.

– Баронесса Корф, – представилась Амалия, небрежным движением запахивая как бы невзначай приоткрывшийся пеньюар.

Значит, она вдобавок ко всему прочему еще и аристократка! Франсуа в душе возликовал.

– Умоляю вас простить мое вторжение, баронесса, – сказал инспектор. – Но дело не терпит отлагательств. Если вы позволите, я хотел бы задать несколько вопросов вам и вашей прислуге. Уверяю вас, это не отнимет много времени.

Амалия смерила его взглядом и милостиво улыбнулась.

– Полагаю, я не могу отказать вам, – сказала она. – Прошу вас, сударь, в гостиной вам будет удобнее.

И величавым жестом, от которого затрепетало сердце Франсуа, хозяйка дома пригласила незваного гостя следовать за собой.

Глава 3

Скарамуш лишь приоткрыл глаза, когда Амалия, а за ней и двое мужчин вошли в комнату.

– Прошу вас, сударь, – сказала Амалия инспектору, – устраивайтесь. Франсуа!

– Что? – вздрогнул «дворецкий».

Амалия подбородком указала на осколки злополучной вазы на ковре.

– Уберите! Кстати, на всякий случай напоминаю вам: ее стоимость я вычту из вашего жалованья.

– Как вам будет угодно, госпожа баронесса, – тотчас нашелся плут и, опустившись на колени, стал собирать осколки.

Успокоившись относительно своего сообщника, Амалия повернулась к полицейскому, который стоял возле дивана, с любопытством оглядывая комнату. На вид Анри Готье было около двадцати пяти лет. Это был худощавый молодой человек с черными волосами и серо-голубыми глазами, которые поразительно смотрелись в обрамлении длинных черных ресниц. Также Амалия отметила нос с небольшой горбинкой, прямой рот и чуть срезанный подбородок с ямочкой посередине. В общем, инспектор Готье был недурен собой, и все же, если бы не его непостижимые глаза, полицейского трудно было бы назвать красивым. Заметив, что Амалия изучает его, Готье отвернулся, и симпатичное правильное лицо его приобрело замкнутое, отчужденное выражение.

– Присаживайтесь, прошу вас, – сказала Амалия.

Инспектор сел на диван, на котором всего несколько минут назад маялся головной болью Франсуа, и извлек из внутреннего кармана карандаш и записную книжечку в черном переплете.

– Итак? – спросила Амалия, поудобнее устроившись в кресле.

Полицейский кашлянул и открыл свою книжку.

– Для начала я хотел бы установить, сколько человек проживает в вашем доме, – сказал он.

– Нет ничего проще, – отвечала Амалия. – Во-первых, я. А во-вторых, мой дворецкий.

Готье с сомнением почесал за ухом карандашом, которым делал записи.

– Значит, здесь живете только вы и месье Франсуа…

– Галлье, – бухнул плут первую пришедшую на ум фамилию.

– Я только недавно здесь поселилась, – с очаровательной улыбкой заметила Амалия, – и еще не успела набрать прислугу.

– Но дворецкого вы все-таки успели нанять, – напомнил Анри, проницательно глядя на нее.

– О, это было легче легкого, – беззаботно отозвалась Амалия. – Он сам ко мне пришел.

Франсуа, убиравший с ковра осколки, фыркнул и поспешно зажал себе рот. Однако инспектор, судя по всему, ничего не заметил.

– Скажите, госпожа баронесса, вы знакомы с герцогиней де Лотреамон?

– О да, – отозвалась Амалия. – Я была у нее на балу, который она устраивала несколько дней тому назад. – Она обернулась к Франсуа: – Вы закончили? Тогда унесите осколки, пожалуйста.

– Слушаюсь, мадам, – ответил плут и вышел из гостиной.

Анри Готье с сомнением посмотрел ему вслед.

– Как-то ваш дворецкий странно выглядит, – заметил он.

– Вы находите? – ледяным тоном осведомилась Амалия. – По правде говоря, как только я наберу слуг, я собираюсь его уволить. Мне кажется, он питает слишком большую склонность к выпивке. Этой ночью, к примеру, он совершенно непостижимым образом ухитрился удариться головой о мою любимую вазу и, разумеется, разбил ее. – И Амалия ностальгически вздохнула, глядя на пустое место на комоде.

– А… – непонятно к чему произнес инспектор.

В гостиной наступило молчание.

– Это ваша собака? – внезапно спросил Готье, указывая на Скарамуша.

– Именно, дорогой месье, – с иронией ответила Амалия. – Так вы пришли ко мне поговорить о животных или все-таки об ограблении?

– Простите. – Инспектор улыбнулся, и эта улыбка, подобно лучу света, вдруг осветила изнутри его замкнутое лицо. В следующее мгновение оно вновь сделалось закрытым и непроницаемым. – Мне, право же, неловко задавать вам этот вопрос, но, может быть, вы слышали прошлой ночью что-нибудь подозрительное?

Амалия покачала головой:

– Вряд ли. У меня очень крепкий сон.

– То есть вы ничего не заметили, – резюмировал инспектор Готье.

– Абсолютно ничего, – убежденно заявила Амалия.

Дверь отворилась, и в гостиную, отряхивая руки, вернулся Франсуа.

– А вы, месье Галлье? – спросил у него Анри. – Может быть, вы слышали или видели что-нибудь прошлой ночью…

– Увы, господин инспектор, – сокрушенно отозвался мошенник, – боюсь, я ничем не могу вам помочь.

– Досадно, – вздохнул Готье, захлопывая свою записную книжку. – Хуже всего, что мои коллеги чуть не схватили вора, когда он что есть духу улепетывал из особняка герцогини. Нам известно, что он свернул на эту улицу, после чего исчез. Поэтому префект, который принимает в деле ограбления герцогини большое участие, поручил нам опросить всех, кто здесь живет.

– Бедная герцогиня, – сказала Амалия, со скорбным видом качая головой. – Надеюсь, у нее немного взяли?

– Если бы, госпожа баронесса… – улыбнулся Готье. – Но в том-то и дело, что вор забрал знаменитые драгоценности Лотреамонов, фамильные вещи, которые стоят целое состояние.

– Ну надо же! – посочувствовала Амалия. – Я помню, на балу на ней было такое красивое ожерелье с топазами… Неужели его тоже взяли?

Франсуа так и распирал смех. Кому-кому, а Амалии это было точно известно, потому что знаменитое ожерелье находилось в ящике стола, всего лишь на расстоянии вытянутой руки от доблестного инспектора Готье. Но так уж устроены ищейки – видят все, кроме того, что находится у них прямо под носом.

– К сожалению, – отозвался Готье, – ожерелье тоже пропало. Так же, как и браслет с сапфирами, и бриллиантовое кольцо, подаренное герцогом де Лотреамоном.

– Ужасно! – с мученическим видом промолвила Амалия. – Я надеюсь, месье Готье, вы поймаете негодяев, которые не постеснялись обворовать бедную женщину.

– Я тоже надеюсь, госпожа баронесса, – серьезно ответил молодой полицейский, целуя протянутую ему руку. – До свидания. Простите, что зря побеспокоил вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Актер в амплуа первого любовника (франц.).

2

О приключениях Амалии и Билли на Диком Западе читайте в романе В. Вербининой «Амалия и бриллиантовая Пуля», издательство «Эксмо».

3

Tirelire – копилка; на французском арго – голова.

4

Dentelle – кружево; на французском арго – бумажные деньги.

5

Ermite – отшельник; на французском арго – вор, действующий в одиночку.

6

От французского pervenche – барвинок.

Купить: https://tellnovel.com/ru/verbinina_valeriya/pis-ma-imperatora

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить